

Южного О.

№ 13-й

ТИЗЕНГАУЗЕН

ПОЛТАВСКАГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА
КОМАНДИР

1 В

№ 406

№ 1

О П И С Ъ

Делу Полтавского пехотного полка Командира
Полковника Тизенгаузена.

	Листы.
1. Показание, отобранное от него Тизенгаузена Генерал Адъютантом Левашовым	на 1
2. Письмо его Тизенгаузена к Генерал Адъютанту Барону Дибичу	на 2 и 3
3. Просительное письмо его ж Тизенгаузена к Государю Императору	— 4 — 5
4. Объяснение Тизенгаузена, названное им откровением	с 6 по 12
5. Вопросные пункты Комитета с ответами на оные Тизенгаузена (о воспитании)	на 12 и 13
6. Копия с формуллярного списка Тизенгаузена	с 14 по 18
7. Рапорт Начальнику Главного Штаба Барону Дибичу от Генерал Адъютанта Барона Толя от 6-го Генваря 1826 № 36	на 18 и 19
8. Два письма Французских, одно	— 20—21
— другое	22—23
9. Показание, отобранное с Тизенгаузена в Дежурстве 1-й армии 5 го Генваря 1826	с 24 по 28
10. Вопросные пункты Комитета 16 Генваря 1826	28—32
11. Ответы на оные Тизенгаузена	32—42
12. Просительное письмо Тизенгаузена к Государю Императору	на 42 и 43
13. Письмо Тизенгаузена к Начальнику Главного Штаба Барону Дибичу	с 44 по 47
14. Вопросные пункты Комитета 22 Марта	47—52
15. Ответы на оные Тизенгаузена	52—59 (л. 9 об.).
16. Вопросные пункты Комитета Подполковнику Сергею Муравьеву 3 Мая с ответами его на оные	с 59 по 62
17. Вопросные пункты Комитета Подполковнику Матвею Муравьеву- Апостолу от 3 Мая с ответом на оные	на 62 и 63
18. Вопросные пункты Комитета Полковнику Артамону Муравьеву 3 Мая	64—65
19. Ответы его на оные	66—67
20. Вопросные пункты Комитета Подпоручику Бестужеву-Рюмину от 3 Мая с ответами на оные	68—69
21. Вопросные ж пункты Комитета Полковнику Повало-Швейковскому с ответами на оные 3 го ж Мая	с 70 по 73
Белые листы	с 73 по 78

№ 2 (6) Копия с формулярного Списка, о службе Пол
Выписана из списка доставленного от

Чин, имя, отчество и прозвание, также какие имеет ордена и прочие знаки отличия.	Сколько от роду лет	Из какого состояния, и буде из дворян, то не имеет ли крестьян, и если имеет то где, в каких селениях и сколько именно.	В службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда.				В течении службы в которых именно полках и батальонах по переводам и произвождениям находился.			
			Чины.	Годы.	Месяцы.	Числа.	Полки и батальоны.	Годы.	Месяцы.	Числа.
Полковник Орде- нов Св-го равно- апостольного князя Владимира 4-й степени с бан- том и Св-й Анны 2-й Степени кава- лер имеющий в память 1812-го года Серебряную Медаль на голу- бой ленте Василий Карлов Тизен- гаузен 1-й	46	Из Лифляндских дворян Гаков не имеет	Кадетом	789	Июня	13	В 1-м кадет- ском корпусе. В 3-м Егер- ском полку			
			Подпоручи- ком	799	Мая	26	Переведен во 2-й Егерской полк.	802	Июня	16
			Поручиком	802	Июня	16	Уволен от службы с повыше- нием чина для опре- деления к Статским делам	804	Сен- тября	15
			Принят по- прежнему в службу по- рутиком	808	Фев- раля	12	в Таврической Гренадерской полк Из оного переведен в Мингрель- ской пехотной полк	810	Марта	12
			Штабс- капитаном	811	Ав- густа	22	в оном же полку.			
			За отличие в сражении произведен капитаном	811	Ок- тября	15	в оном же полку.			
							Из оного пере- веден лейб Гвардии в Се- меновской полк	814	Апреля (л. 24)	2
			Полковником	815	Августа	30	в оном же полку. Из оного ко- мандиром Смо- ленского пе- хотного полка.	816	Июня	18
							По высочай- шему Его Император- ского Вели- чества приказу уволен от воин- ской службы с мундиром	817	Февра- ля	9
							Высочайшим Его Импера- торского Вели- чества приказом назначен командиром полтавского пехотного полка.	819	Ноября (л. 25)	4

Подлинный подписали: Командир полка Полковник Тизенгаузен и
С подлинным верно Начальник

ковника Полтавского Пехотного Полка Тизенгаузена 1-го
онаго полка за 1825 год. || (л. 23 об—26)

Во время службы своей в походах
и в делах против неприятеля
где и когда был, также какая награды
за отличие в сражениях и по службе
удостоился получить.

Российской грамоте читать
и писать и другая какая
науки знает ли.

В домовых отпусках был ли,
когда именно, на какое
время, и явился ли на срок.

В патронах был ли, по суду
или без суда, за что именно
и когда.

Ходит или жена,
и имеет ли детей.

В комплекте или сверх
комплекта, при полку или
в отлучке, где именно,
по чьему повелению
и с которого времени
находится.

К повышению достоин,
или за чем именно
не аттестуетъ.

1808-го года в Финляндии при занятии
Оландских островов, 810-го Мая с 12-го
при осаде крепости Сиалистрия 11, 12, 17 и
23-го числа Июня в сражениях под Городом
Шумлею с 30-го Июня по 16-ое Июля при
осаде крепости Рущука, 17-го и 18-го при
разбитии турок — при реке Яндре, 13-го Сентября,
при штурме крепости Рущука, Августа 1 в сражении при деревне Белоксай
в сражении при блокаде, 811-го Июля 22-го
в Малой Валахии при Селении Чепурничках
27-го при взятии штурмом Батарей на острове
против крепости Лом-паланки и за отличие
произведен в Капитаны, Сентября 7 при
Селении Калифат, за что и награжден орденом Св.-го || (л. 24 об.) равноапостольного
князя Владимира 4 Степени с бантами. Октября 9-го в сражении при крепости Видике,
Ноября 11-го при Селении Василевцах в действительных сражениях против турок находился.

1812 года Сентября 10-го в делах при
приследовании Неприятельской Армии от
реки Стыра до Города Бретт-Литовска,
5-го Октября за реку Буг в Варшавское
Герцогство при местечке Белое, Ноября
3-го и 4-го при местечке Болковиске, 6-го
при местечке Свибловиче; 813-го с 2-го Де-
кабря по 7-е Генваря 814-го при неприятель-
ских вылазках из Города Гамбурга, того же
года февраля 2-го 3-го и 5-го при занятии
города Суасона и Монтмираля, марта 10-го
при городе Арсисе || (л. 25 об.—26), 13-го
при Фершампенуазе, за отличие переведен
Лейб-Гвардии в Семеновский полк, 18-го
под Городом Парижем и за отличие награ-
жен орденом Св.-й Анны 2-й степени. 1815-го
Апреля с 3-го за границею в Пруссии, Бова-
рии, Богемии, Саксонии и во Франции,
того же года Августа 30-го был при осмотре
Российских войск Государем Императором
на полях Шампани действительно был, за
что и получил общее Монаршее благоволе-
ние.

Российской грамоте, языкам: французскому, немецкому, историю государства, геометрии, алгебре,
физике, механике, фортификации и артиллерии знает.

Н е б ы н а л .

Н е б ы н а л .

Женат на дочери 1-й гильдии купца Болта Федоровича Романовой у них сыновья:
Михаила 3-х Александра года.

В К о м п л е к т е п р и и н с л к у .

По случаю арестования по Виссарионовскому воеводству не аттестуетъ.

Командующий 9-ю Пехотною Дивизией Генерал-Майор К у р н о с о в
Отделения А н д р е е в || (л. 35)

№ 3 (9)¹

1826-го года Генваря 5-го дня в присудствии Дежурного Генерала 1-й Армии Генерал лейтенанта Ольдекопа, командир полтавского пехотного полка полковник Василий Карлов сын Тизенгаузен, по предмету отлучки вверенного Ему полка подпоручика Безстужева Рюмина спрашиван и объяснил:

Означенный подпоручик Безстужев Рюмин, поступил ко мне в полк из прежняго состава Лейб гвардии Семеновского полка Юнкером, и как в сем чине, так и по производстве в прaporщики находился не при полку, но при корпусной квартире 3-го пехотного корпуса по воле корпусного Командира Генерал лейтенанта Рота и уже в июне или в июле м-ца 1821 года по переходе полка из полтавской в киевскую губернию обращен в полк, где в течение сказанного 1821, 1822 и 1823-го годов вел себя весьма порядочно, и никогда никуда самовольно не отлучался, кроме в 1823-м году с позволения корпусного командира в июле м-ца в Город Москву по случаю трудной болезни отца Его; в 1824-м и 1825-м годах несколько раз без позволения моего отлучался в город || (л. 35 об.) Васильков к подполковнику Черниговского пех. полка Муравьеву, за что съначала получил от меня выговоры а потом даже был арестован, и при сем случае я не принимал в уважение, что он Безстужев квартировал в деревни отстоящей от Василькова не более 35-ти верст; к вящшему воздержанию Его от отлучек, было приказано от меня ротному Его командиру, и как помнится даже дано было и предписание, иметь за ним строжайший надзор и не отпускать его из ротного двора без моего позволения. Пред выступлением вверенного мне полка из кантонир квартир к бобруйской крепости, отпущен был мною Безстужев Рюмин в половине октября м-ца в Васильков для взятия там своих вещей остававшихся у подполковника Муравьева с тем, чтобы он явился к полку в Киеве при проходе оного через сей город 28 октября, но он на сей срок в полк не явился, почему я приказал было полковому адъютанту поручику Сумцову² послать за ним Безстужевым нарочного, но будучи тогда же у дежурного штаб офицера 4-го пех. корпуса полковника князя Трубецкого, застал там вышеупомянутаго || (л. 36) подполковника Черниговского пех. полка Муравьева Апостола, где так же был и командир 4-го пех. корпуса Г. Генерал Князь Щербатов, и я узнавши от оного Муравьева что и с ним неприехал Безстужев, просил его послать за ним Безстужевым, и Муравьев взялся сие исполнить того же дня; причем я говорил Муравьеву, что естьли Безстужев на первых переходах не присоединится к полку, то я сделаю донесение начальству о его отлучке, однако и за сим Безстужева не было, а по прибытии полка в Чернигов 5-го числа ноября в полночь, означенный подполковник Муравьев Апостол и отставной Его Брат служивший у меня же в полку Матвей, приехали вместе ко мне на квартиру и привезли рапорт подпоручика Безстужева о болезни его, прося при том меня, чтобы я не делал представления об оной отлучке Безстужева, но как при том рапорте не было приложено установленного лекарского свидетельства, и в самом рапорте не означенено когда и откуда оный пущен и где находился Безстужев, то я решительно сказал им Муравьевым, что непременно сделаю представление, и сие исполнил || (л. 36 об.) тот час по прибытии в бобруйск, каковое представление учинено от меня командующему дивизией Г. М. Тихановскому, несмотря и на то, что и полковые офицеры просили меня повре-

¹ Напечатано в т. VI издания «Восстание декабристов», стр. 326—327, по другому тексту.

² В подлиннике ошибочно написано «Самцову».

менить с оцым представлением; единственно для того, чтобы удалить безстужева от предстоявшего ему за тот поступок нещастия.

Несколько дней спустя после отправления упомянутаго представления Безстужев явился к полку и был в тоже время арестован на десять дней с объявлением о сем в приказе по полку. 14-го декабря Безстужев поутру довольно рано явясь ко мне в отчаянном виде, предъявил два письма от поверенного в делах отца его Безстужева, в коих заключалось уведомление о смерти матери и о болезни отца его Безстужева (ноябрь именно тот поверенный припомнить не могу) по сему случаю просил он Безстужев способствования моего к получению ему увольнения в отпуск, но я в содействии моем ему отказал, а только советовал, чтобы послал означенныя полученные им письма при своем письме к корпусному командиру и просил бы его об отпуске. в сем разе Безстужев убедительно изъяснял о || (л.37) медленности какая от того произойдет, и что чрез таковую медленность может быть и незастанет уже в живых отца своего, — я тронувшись таковым убеждением Безстужева и имея надобность командировать в Киев офицера для принятия на полк жалованья, ибо командированный для того полковой казначей тамо заболел, решился отправить его за жалованьем 16-го декабря, но Безстужев прибывши в Киев не застал уже там казначея, которой хотя и был болен, однако получил жалованье и отправился в полк, куда и прибыл в Бобруйск 26-го декабря, а после того чрез три дни получил я и рапорт от Безстужева о приеме казначеем жалованья, однако сам Безстужев к полку не возвратился несмотря на то, что ему при отправлении наистройше от меня приказано было пробыть в Киеве не более трех дней и возвратится к полку не позже 24 декабря. Командировку ж в Киев Безстужева сделал Я и потому уважению, что Киев ближе к Житомиру нежели бобруйск, и что в Киеве скорее || (л. 37 об.) мог получить разрешение от корпуснаго командира о просимом им Безстужевым увольнении. В заключение я присовокупляю, что командировка Безстужева в Киев учинена мною единственно по изъясненным убеждениям его. — В сем случаи я признаю себя виновным, ибо мне известно было о воле начальства, что офицеры переведенные из бывшаго состава Л. Г. semenovskаго полка не должны быть ни уволняемы в отпуск ни употребляемы в командировки; но в прочем я берусь утвердить клятвою, что я ни о каких противузаконных предприятиях Безстужева и его соумышленников не знал, ни от кого о том не слышал и ни по каким обстоятельствам в том ни его Безстужева и никого не подозревал и переписки с ними никогда никакой не имел 2-го ж настоящего Генваря доставил ко мне полковой Адъютант поручик Сумцов принятые им с почты два письма на имя подпоручика Безстужева, кои я при арестовании меня отдал || (л. 38) невскрытыми прибывшему за мною жандармскому поручику Заичневскому, которая я хотел было с первоотходящею почтою отправить к корпусному командиру, потому слушаю, что 31. декабря получил от него предписание о забрании бумаг его Безстужева, за коими и отправлены на квартиру его Безстужева с корпусным старшим Адъютантом докудовским и бобруйским плац маюром Пушкиревым, но в то время ни бумаг ни вещей никаких не нашел.

К сему пояснению собственноручно подписуюсь Командир полтавскаго пехотнаго полка Полковник Тизенгаузен¹.

Спрашивал Дежурный Генерал 1-й Армии Генерал Лейтенант
Ольдекоп

¹ Показания написаны писарской рукой и только подписаны В. К. Тизенгаузеном.

Что действительно два письма на имя подпоручика Бестужева вручены мне Полковником Тизенгаузеном не вскрытыми с целыми печатями, в том удостоверяю.

Жандармского полка Поручик З а и ч н е в с к и й
Спрашивал Дежурн[ы]й Генерал Ольдекоп. || (л.27)

Управление № 4 (7)
Начальника Главного
Штаба 1-й Армии Главная квартира в Могилеве Белоруск.
№ 36-й

Генваря 6-го дня 1826 года¹.

Начальнику Главного Штаба Его Императорского Величества
Господину Генерал-Адъютанту и кавалеру Барону Дибичу².

Начальника Главного Штаба
1-й Армии Генерал-Адъютанта
Барона Толя.

Р а п о р т .

Из сведений, имеющихся по ныне о первоначальном ходе произшествия, случившагося в Черниговском пехотном полку, видно, что Полтавского пехотного полка Подпоручик Бестужев, находясь в Василькове, был один из главных зачинщиков мятежа, и первый, известивший Муравьева-Апостола, что бумаги его || (л. 27 об.) захвачены и его самого преследуют.

Как Полтавский пехотный полк находится ныне в карауле в Крепости Бобруйской, то встречалось сомнение, по какому случаю Бестужев мог явиться в сие время в Васильков. — В сию ночь провезли здесь проездом из Бобруйска в С. Петербург самого командира полка Полковника Тизенгаузена. Г. Главнокомандующий, желая иметь объяснение по выше-помянутому обстоятельству, приказал остановить его здесь, и снять допрос, по окончании коего, он тотчас отправлен далее в С. Петербург.

Снятой с него Дежурным Генералом Армии допрос, равномерно бумаги Тизенгаузена, взятые в Полковой его Штаб-квартире, другим посыпаным от сюда офицером, а также найденные при нем нераспечатанные, два письма Муравьева-Апостола к Бестужеву, имею честь представить при сем Вашему Превосходительству, влагая здесь особенно, найденное в числе помянутых || (л. 28) бумаг Тизенгаузена, письмо к нему Муравьева-Апостола, по содержанию своему весьма замечательное и год тому назад как писанное.

Генерал-Адъютант Барон Т о л ь . || (л. 29)

№ 5 (8^a)³

Il y a bien longtemps, Monsieur Colonel, que je n'ai eu le plaisir de vous voir, mais la faute en est à mon jugement de Борщов, qui m'empêche de

¹ Рапорт написан на бланке с вышеприведенным печатным штампом. В верху листа пометы чернилами: «№ 186» и «10 Генваря 1826». Пометы означают время поступления рапорта в делопроизводство Комитета.

² На полях сбоку рукой, вероятно, Дибича написано чернилами: «Иметь в виду при допросах».

³ В верху листа помета карандашом: «д. № 13», и чернилами: «письмо от подп. Сергея Муравьева вынутое из кучи партикулярных писем пол. Тизенгаузена, заключающее в себе зловредные намерения. Прочие письма не предосудительны».

m'absenter d'ici pour le moment; sans cette affaire, je serais arrivé passer avec vous quelques jours, bien agréables pour moi. Ne pouvant donc bouger d'ici, je me permets de vous envoyer ci-joint un rapport de santé de Bestougeff; c'est moi, qui l'ai décidé à l'écrire, craignant que, s'il se rapportait plus longtemps malade, cela ne finit par lui nuire et ne vous causat à vous même quelque désagrément; cette considération l'a déterminé, car la chose qu'il craindrait le plus au monde, serait de vous attirer un désagrément, pour prix de tout ce que vous faites pour lui et qu'il est impossible de ressentir plus vivement qu'il ne le fait; et même s'il ne vous écrit pas lui même en ce moment, c'est qu'il ne pourrait trouver d'expressions pour vous peindre toute la reconnaissance qu'il vous porte. Pour moi, cher Colonel, vos procédés envers mon ami, vous font trop d'honneur à mes yeux pour que je ne vous en exprime pas toute ma gratitude, et que je ne sache pas les apprécier comme un service personnel, en même temps qu'il excite l'estime de bien des gens, à qui il est d'une si grande utilité.

Jé me fais une fête de penser au moment où mes affaires me per-(л. 29 об.) mettrons d'arriver à Rjichtchew, et je ferai en sorte que ce soit le plutôt possible; je serais enchanté, si vous pouviez mettre alors en exécution votre projet d'aller ensemble dans la Division des Husards voir Artamon Mouravieff, qui est déjà à son régiment, auquel j'écris aujourd'hui même, et j'aurais profité de cette occasion pour vous faire faire¹ la connaissance de Serge Troubetzkoy, qui m'annonce son arrivée à Kiew pour le commencement du mois prochain et qui vous plaira, j'en suis sûr, par son caractère et ses idées. En attendant que ce plan, que je serais si content de voir réussir, puisse s'exécuter, je ne puis résister au plaisir de vous envoyer un ouvrage sur le commencement de la révolution des Grecs, qui, j'en suis persuadé, vous intéressera; car si la conduite, si lâchement timide de l'Europe et surtout de notre Gouvernement envers la Turquie, vous déplaira et vous fera de la peine, cette impression sera bien effacée par l'enthousiasme, le courage et le dévouement des Grecs; une reflexion surtout ne vous échappera pas, car elle est tout à fait dans votre genre, c'est que cette dernière révolte des Grecs se distingue de toutes celles qui l'ont précédées, et qui ont toutes été infructueuses, sans être moins violentes, parcequ'elle a été menée par des chefs énergiques; et que la volonté de fer de quelques hommes, à travers des obstacles sans cesse renassants, des || (л. 30) luttes continues, et même des discussions intestines, a suffi seule pour amener à la régénération un peuple, dispersé, sans lumières et avili par plus de trois siècles d'esclavage; et il est si vrai que l'énergie seule les a fais triompher, qu'ils n'agissaient même pas sans un plan unique, et que ce n'est qu'un an après leur commencement de révolte qu'ils sont parvenus à se donner un gouvernement et à pouvoir combiner des plans.

Bestougeff, qui vient de partir à l'instant pour aller voir Schweikowsky, m'a chargé, avant de partir, de vous assurer encore une fois de tout son dévouement et de sa reconnaissance, et je n'ai pas besoin, cher colonel de vous réitérer l'expression de la mienne pour vous persuader du vif attachement et de l'estime sincère que vous porte

Votre Dévoué
Serge Mourawieff Apostol²

Wassilkow.

Le 25 février 1825 || (л. 31).

¹ Так в подлиннике

² Письмо С. И. Муравьева-Апостола В. К. Тизенгаузену написано собственно-Ручно.

Перевод.

Уже давно, любезный полковник, я не имел удовольствия видеть вас, но в этом, по-моему, вина Борщова, который мешает мне отлучиться отсюда в данное время. Если бы не это, я с большим удовольствием приехал бы провести с вами несколько дней. Не будучи в состоянии двинуться отсюда, позволю себе послать вам прилагаемый рапорт о здоровье Бестужева; я побудил его написать это, опасаясь, что, если он и далее будет рапортоваться больным, это в конце концов повредит ему и доставит вам лично какие-либо неприятности. Это соображение убедило его, так как он больше всего на свете боится доставить вам неприятности в благодарность за все, что вы делаете для него, и что нельзя сильней это чувствовать, чем он чувствует. Если он сейчас не пишет вам сам, то только потому, что не может найти слов, чтобы выразить благодарность, которую к вам испытывает.

В моих глазах, любезный полковник, ваши отношения к моему другу делают вам такую честь, что я не могу не выразить вам всей своей благодарности и не оценить их как личное одолжение, вызывающее в то же время уважение многих людей, которым он (Бестужев) приносит столь большую пользу.

Я с радостью думаю о минуте, когда мои дела позволят мне приехать в Ржищево, и я постараюсь это сделать возможно скорее; я был бы в восторге, если бы вы могли тогда привести в исполнение ваше намерение поехать вместе в гусарскую дивизию повидать Артамона Муравьева, который уже у себя в полку и которому я пишу сегодня же. Я воспользовался бы этим случаем, чтобы познакомить вас с Сергеем Трубецким, который извещает меня о своем приезде в Киев в начале будущего месяца, я уверен, что он вам понравится своим характером и мыслями. В ожидании выполнения этого плана, столь для меня желательного, я не могу устоять перед удовольствием послать вам сочинение о начале революции в Греции, которое, я уверен, заинтересует вас; ибо, если низко-трудливое поведение Европы, и особенно нашего правительства, по отношению к Турции вам не понравится и огорчит вас, то это впечатление будет значительно сглажено энтузиазмом, мужеством и преданностью греков; в особенности одна мысль не сможет ускользнуть от вас, так как она совершенно в вашем духе, — это то, что последнее восстание греков отличается от всех предшествующих, которые все остались бесплодными, будучи не менее бурными, тем, что оно проводилось энергичными вождями, и тем, что железная воля нескольких людей среди беспрестанно возникающих препятствий, непрерывной борьбы и даже внутренних раздоров смогла сама по себе привести к возрождению народ разобщенный, темный и униженный более чем тремя веками рабства. И надо признать, что только энергия привела их к триумфу, так как они даже не имели единого плана действия и только год спустя после начала восстания им удалось образовать правительство и получить возможность создавать планы.

Бестужев, только что уехавший к Швецковскому, поручил мне перед отъездом уверить вас еще раз в своей преданности и признательности, мне же нет необходимости, любезный полковник, повторять вам о том же, чтобы уверить вас в моей горячей привязанности и искреннем уважении.

вам преданного
Сергея Муравьева Апостола.

Васильков, 25 февраля 1825 г.

№ 6 (8⁶)¹

Wassilkow, le 13 décembre 1825.

Il y a quelque chose de désespérant, cher ami, dans votre silence, voilà demain deux semaines que vous êtes parti et pas un seul mot de vous. Si j'avais de quoi, j'aurais envoyé de suite un expès chez vous, mais je suis à sec et Serge n'est pas de retour jusqu'à présent. Que vous arrive-t-il? Que faites-vous avec votre ennui, avec votre fantasque, avec votre santé, avec vos idées? J'ai des angoisses, quand je songe à tout cela; est ce qu'il n'y a pas moyen pour vous de revenir? Vos lettres sont si longtemps à nous arriver. Nous n'avons des nouvelles de nulle part, hormis une lettre de Paul, que je vous garde, où il vous fait mille remerciements, et vous prie de le venir voir, ne comptant pas venir à Kiew. Mathieu se porte bien, et si vous étiez avec

¹ В верху листа помета карандашом: «д[ело] № 13».

— nous, je n'aurais nulle inquiétude de nulle part. Mon Dieu! Quand viendra donc le moment où je vous embrasserai tout aussi fort que je vous aime.

Votre ami

Serge Mourawieff Apostol.

Je n'ai pas de lettres de Pétersbourg, êtes vous plus heureux que moi? ¹

Je désirerais bien fort, Mon cher ami, qu'au lieu de lettre vous arriviez vous même. Le fantasque aura-t-il le cœur de vous retenir maintenant? Quelles sont les inquiétudes qu'il pourrait avoir? — En un mot employez de grâce tout votre esprit pour nous revenir au plus vite. Finissons cette || (л. 31 об.) année ensemble. Elle a été triste pour moi et cela devait être car c'est la première fois de ma vie que j'avais rêvé, je ne sais quelle espérance pour moi-même. Elle me rappelera toutes les marques de bonne amitié que vous m'avez donnée, mon cher ami et ce souvenir restera gravé dans mon cœur pour me raccomoder avec moi-même. Je suis persuadé d'après ce que Bibikoff écrit à Serge, Troubetzkoy ne reviendra pas à Kiew avant le mois de février. Il voudra rester à Pétersbourg pendant un moment aussi intéressant que celui-ci. Vous devez être chez vous plus au fait de ce qu'il y a de nouveau. Quant à nous — nous sommes dans la plus complète ignorance. Je remercie Dieu d'être auprès de mon frère dans ce moment car notre bon Serge aurait été plus seul que jamais. Cette idée me rend Васильков tout à fait agréable et vous me comprendrez: si vous en doutiez. Je prierai encore plus fort de vous dépecher de revenir pour vous en assurer par vos propres yeux.

Plaisanterie a part n'est-ce pas que vous allez quitter Bobrouisk au plutôt. Votre santé a besoin que vous la soigniez et vous devez laisser ce soin à vos amis. Je vous embrasse bien tendrement, Mon cher ami || (л. 34) et prie Dieu de pouvoir le faire sous peu en réalité. Votre ami

M. Mourawieff Apostol ²

P. S. J'ai reçu des nouvelles de Chomoutez on me mande que les enfants se portent bien. Etes vous content d'Ivan. Adieu.

Bachmakoff vous fait ses compliments. ³ || (л. 10)

Перевод.

Васильков 13 декабря 1825 г.

Есть что-то безнадежное в вашем молчании, любезный друг, завтра будет две недели, как вы уехали, и ни одного слова от вас. Если бы я был в состоянии, я послал бы тотчас же нарочного к вам, но я сижу на мели, а Сергей ⁴ до сих пор не вернулся. Что случилось с вами? Как ваша забота, ваша мечта, ваше здоровье, ваши мысли? Я беспокоюсь, когда думаю обо всем этом. Неужели нет никакой возможности для вас вернуться? Ваши письма доходят до нас так медленно. Мы не имеем вестей ниоткуда, кроме письма от Павла ⁵, которое я берегу для вас, он в нем просыпает вам тысячу благодарностей и просит приехать с ним повидаться, не рассчитывая приехать в Киев. Матвей чувствует себя хорошо, и если бы вы были с нами, я бы совсем был покойен. Боже мой! Когда же придет час, когда я обниму вас так крепко, как люблю.

Ваш друг

Сергей Муравьев-Аpostol

Я не имею писем из Петербурга, вы не счастливее ли меня?

¹ Письмо М. П. Бестужеву-Рюмину написано С. И. Муравьевым-Апостолом собственноручно.

² Письмо М. П. Бестужеву-Рюмину написано М. И. Муравьевым-Апостолом собственноручно.

³ На листе 34 об. рукой С. И. Муравьева-Апостола написан адрес: «Его Благородию Милостивому Государю Михайлу Павловичу Бестужеву-Рюмину. В полтавской пехотной полк Минской Губ. в Г. Бобруйск».

⁴ Вероятно, С. П. Трубецкой.

⁵ Вероятно, П. И. Пестель.

Я очень желал бы, дорогой друг, чтобы вместо письма вы приехали бы сами. Хватит ли теперь духа у мечты задержать ваш отъезд? Чем она может быть встревожена? Одним словом, употребите, ради бога, все ваше разумение, чтобы скорее к нам вернуться. Закончим этот год вместе, он был очень печален для меня, так и должно было быть, потому что я впервые в жизни предался сам не знаю каким надеждам. С ним у меня связаны воспоминания о всех знаках истинной дружбы, оказанных мне вами, мой любезный друг, и это воспоминание останется запечатленным в моем сердце, чтобы примирять меня с самим собою. Я убежден, на основании того, что Бибиков пишет Сергею, что Трубецкой не вернется в Киев раньше февраля. Он пожелает остаться в Петербурге в такой интересный момент, как сейчас.

Вы там должны быть более осведомлены обо всех новостях, что касается нас, то мы в полном неведении. Я благодарю бога, что нахожусь сейчас около брата, иначе наш добрый Сергей был бы более одинок чем когда-либо. Сознание этого делает для меня Васильков совсем приятным и вы поймете меня, если и сомневались в этом. Я еще настоятельнее прошу вас поспешить вернуться, чтобы убедиться в этом собственными глазами.

Шутки в сторону — не думаете ли вы покинуть Бобруйск в ближайшее время? Ваше здоровье требует, чтобы вы о нем позаботились, и эту заботу вы должны возложить на ваших друзей.

Нежно вас обнимаю, дорогой друг, и молю бога, чтобы он позволил мне в действительности это сделать в ближайшее время.

Ваш друг
М. Муравьев-Апостол

Я получил вести из Хомутца с сообщением, что дети здоровы. Довольны ли Вы Иваном. Прощайте.
Башмаков вам шлет привет.

№ 7 (1)¹

№ 121

Принадлежали вы обществу тайному, и что и от кого об оном знали.

Вы имели в своем полку² подпоручика Бестужева которой был теперь в Черниговском полку во время бунта оного. По-

Полтавского пехотного Командир Тизенгаузен.

Я ни какого понятия не имею о тайном обществе и о намерении оного. Я был знаком с подпол: Муравиевым, которой служил у меня в полку³, переведен⁴ потом в Черниговский полк⁴. В 1824 году он мне предложил зделать знакомство с полко: Пестелем, коему он меня представил. В 1825 году я опять видил Г-на Пестеля на контрактах в Киеве. Во все время моего сношения с Пестелем и Муравиевым я ни когда не слыхал от них ни чего относительно тайного общества и предложения оне мне ни какого не делали.

Я посыпал подпоручика Бестужева в Киев за жалованием, и не знал ни чего о его намерении⁵. Часто слышал Г-на Бестужева в вольных и либеральных выражениях, за что⁶ с него взыскивал. Послал же я его в Киев, единственно по тому, что он мне показывал письмо в коем извещали⁷ его о кончине⁸

¹ В верху листа помета карандашом: «В петро[лавловскую] Крепость».

² Далее зачеркнуто: «и которой».

³ Первоначально: «переведенный».

⁴ Далее зачеркнуто: «Он».

⁵ Далее зачеркнуто: «Я».

⁶ Далее зачеркнуто: «часто».

⁷ Первоначально: «Извещают».

⁸ Далее зачеркнуто: «его».

чemu вы его отпустили и знали ли о его намерении.

матери и о трудной болезни¹ отца, призывающего его к себе; из Киева хотел он послать естафету² (л. 10 об.) корпусному командиру, спрашивая³ у него отпуска.

Полковник Тизенгаузен³
Генерал Адъютант Левашов⁴ (л. 11)

№ 8 (2)⁵

Милостивейший Государь
барон Иван Иванович!⁶

Именем человечества й для пользы Государя, умоляю Ваше Превосходительство всем тем, что Вам только может быть свято на свете, не отказаться выслушать меня по делу, по которому я содержусь в крепости. — При чистейшей совести в чем лишь всевышний судия мне свидетельствовать может, что не только поступки но и мысли мои оставались неприкосновенными. Какого либо непозволительного дела заклинаю вас, не для оправдания, не для защиты себя, выслушать меня; — но что бы по выслушании от вас достопочтеннейший муж, себе приговора и строгаго неумолимаго, праведнаго приговора, поручить вам безотрадную нещастную подругу моей жизни, стремя невинными малолетними сиротами, — которым я перестал быть отцем, с той минуты, как имя мое обезславлено чернейшим подозрением неслыханного беззакония — Ах мое чистое, мое доброе имя, кто мне его возвратит! (л. 11 об.) Наконец, благодаря Бога, слезы облегчили несколько стесненные чувства сердца.

— Я прощаю оклеветавшим меня! Да простит им и всевышний — Ради Бога выслушайте меня и через отказ не лишите человека последняго разсудка, котораго он может быть уже не имел, естьли слезы не облегчили моей горести — Память меня до того оставила, что я с трудом могу вспоминать, где я и что со мною делается.

Много на сердце, много в голове, но идей других связать не могу, кроме прозьбы выслушать меня — Вы умеете с лишком хорошо ценить достоинство человека и мне верно в моей прозьбе не откажите. Смею уверить Ваше Превосходительство, что ложь не осквернит уст моих. Мое дело столь единственного рода, что столь же смело вас могу уверить, что по выслушании меня доброе Ваше обо мне мнение ни мало не уменьшится. Я оным столь много всегда гордился, что имею при всех главных поступках своих в виду, что бы не лишиться вашего уважения, руководствовался всегда (л. 12) известными правилами вашими о справедливости и чести. —

Естьли доставивший меня сюда из Могилева Порутчик Бар еще не отправлен, то он может дать довольно важныя объяснения для меня при моем арестовании ночью в Бобруйске при Е[го] Превосходительстве г. Команданте Берге. —

¹ Далее зачеркнуто: «его».

² Первоначально: «испросить».

³ Подпись сделана В. К. Тизенгаузеном собственноручно.

⁴ Все показание написано генерал-адъютантом Левашовым.

⁵ В верху листа помета карандашом: «Чит[ано] 15 Генв[аря]», и другой рукой: «занятся поскорее его запросами».

⁶ Письмо адресовано генерал-адъютанту Дибичу.

От особенного случая (есть ли две записки при описании моих бумаг не затеряны) со мною в Киеве в исходе октября месяца при выступлении полка, встретившегося, может быть, зависит объяснение невинности моей, есть ли оно по ужасным произшествиям бывшим в столице, имеет некоторую связь с оными, по моему предположению.

С глубочайшим почтением и совершеннейшою преданностию, честь имею пребыть

Милостивейший Государь!
Вашего Превосходительства покорнейший слуга
Василий Тизенгаузен¹. || (л. 13)

№ 9 (3)

Позволь всеавгустейший великий монарх! нещастному верно подданному рабу излить чувства чистейшей благодарности за милостивое велико-душное снисхождение, к тебе писать — удостой кающегося грешника лично выслушать — Не смею оправдываться в поступке, который лишь через одно малодущие только сделался преступлением и в котором (при ужаснейшей борьбе, продолжавшейся более года между взволнованными чувствами и разсудком как я сие изложил в письменном своем откровении) я тебе другого отчета дать не могу, кроме торжественной клятвы, что я никогда не помышлял быть нарушителем общественного спокойствия. — Вечное проклятие неумолимаго праведного всевышняго судии, да преследует меня, жену и детей моих, всех родных, друзей и знакомых моих, есть ли я кого нибудь склонял или уговаривал, делом, письмом или словом, возстать или взять какое ни есть участие, противу законной власти или введения какихнибудь перемен в государстве, — Чувствую при всем том, что я заслуживаю наказания и строгаго примернаго наказания, за слабость, что противу обязанности и долга вернаго подданаго, отклонился от строгих правил жизни своей и не обнаружил во время то, что мне было известно. Но Всемогущий Бог тому свидетель, что сколь ни ужасала меня мысль, предать в руки правосудия множество заблужденных я несколько разов был готов по известному || (л. 13 об.) мне делу, без всякаго участия в оном, открыть имена известных мне сообщников, соединившихся ввести перемену в Государстве — Небесный судия тому свидетель, сколь близок был я к тому и более одного разу, что бы открыть сие дело во время лагеря при Лещине, генералу Роту, не смотря на то, что к сему Генералу по характеру его, не имел ни какой доверенности — чувствую Монарх, сколь великое беззаконие, твердым, решительным открытием, мог бы отвлечь от Государства, но к нещастию раскаяние нас обыкновенно поздно постигает. — Великий Государь! будь милосерд и великодушен! — Пощади мое доброе имя! Из сострадания к невинным трем детям моим и болезненной их матери — отврати от нещастнаго отца проклятие его детей — явись Монарх в милосердии и величии души, благотворящим гением. — Да озарит благость твоя слабаго, коего не только служба с 1799-го года в офицерском чине, но и вся жизнь до сего не имела пятна — Правота, без-

¹ Письмо написано В. К. Тизенгаузеном собственноручно.

корыстие, справедливость чистота нравов при строжайших правилах чести всегда меня руководствовавшия, да смягчат твое сердце — Монарх! ты сам отец семейства, последуй вдохновению чувств родительской нежности! — Даруй прощение слабому грешнику! Великий Государь! позволь сраженному злым роком пасть к священным стопам твоим, что бы при чистосердечном раскаянии повторить лично объявление о участии, какое я имел в зле, постигшем Государство твое! — Да прильнет язык мой к гортани! да лишусь употребления || (л. 14) всех членов моих, естьли я оскверню слух твой единственным ложным словом! Пощади только Монарх, мое доброе имя — не для ради меня недостойного твоего раба, но для спасения невинных трех младенцев и безотрадной их юной матери! — Умоляю тебя, столь дорогою для тебя, столь священою памятию, в бозе почивающих двух Государей моих, коим служба моя была посвящена, отврати от меня будущее проклятие, детей моих! — Умилосердись Государь! — Покажи свету все величие великой, превосходной души! — Изреки прощение, не читая моего откровения! — Или позволь по крайней мере, не именовать мне 15 летнего приятеля¹ соучастника в деле, заключенного вероятно, и без того, как и я уже в темнице, и который при чистосердечном раскаянии, не скроет вины своей! —

Хотя я не достоин Всеавгустейший Монарх! служить тебе², хотя после унижения своего, по одному строгому характеру своему и по слабому в которое впал здесь в темнице, я не могу более служить тебе! но в правоте души, великий Государь! Ты не найдешь служителя чище меня между самыми вернейшими своими подданными! — От глубины непорочной души своей желаю, и дай Бог! чтобы все окружающие Твой трон, имели столь же чистое сердце. — || (л. 14 об.)

Последние минуты моего прощания с полком, смягчат праведный твой гнев, великий Государь! Удостой только выслушать меня в сем! — Великодушное сердце твое умилится, Монарх! — Не причи мне в вину дерзкие прозьбы мои — Слабый, разстроенной разсудок едва может связать мысли.

Всеавгустейший Монарх!
верноподданейшаго, недостойного раба твоего.

Василий Тизенгаузен
(бывший командир Полтавского пехотного полка)³. || (л. 15)

№ 10 (4)

Откровение Василия Тизенгаузена которое желаю утвердить торжественною присягою.

В 1824-м году, которого месяца и числа не упомню приехал ко мне в м. Ржищев Черниговского пех. полка подполковник Сергей Муравьев, вероятно единственно в намерении уговорить меня, вступить в общество составившееся для введения в Государстве Конституции, ибо хотя он и служил напред сего у меня короткое время в полку, но я весьма мало был с ним знаком. Отобедав у меня в доме, когда все прочия офицеры ушли,

¹ Слово «приятеля» вписано над строкой.

² Слова «служить тебе» вписаны над строкой.

³ Письмо Николаю I написано В. К. Тизенгаузеном собственноручно.

после обыкновенных, незначительных разговоров мало по малу завел он речь о службе и потом о правительстве, слагая всегда вину на Государя — Я ему в сем безпрестанно противоречил и утверждал что естьли бы только до сведения блаженныя памяти Государя Императора, могли дойти непозволительные действия разных лиц с гражданской стороны в Малороссии, о которых он упоминал и о непозволительном обращении с офицерами Генералов¹ то² Государь, естьли бы не удалил их от службы на верное их от того бы впредь воздержал; но Муравьев с жаром утверждал: что таких то и ищут таких то и желают — после сильных упреков с моей стороны за столь постыдное мнение о любимом, почти обожаемом мною монархе он с большим негодованием и с сердцем меня оставил — На другой день довольно рано он опять ко мне зашел и старался как мне казалось снова завести вчерашний разговор, но видя мою холодность, кончил тем, что стал просить дабы я позволил Подпоручику Бестужеву Рюмину, который не занят службою, съездить к нему в Васильков на несколько дней — на что я и согласился и мы тот час разстались — После того, сколь часто мы не сходились по службе, он всегда отменно противу меня был учтив и всячески старался показывать свою ко мне привязанность и свое уважение безпрестанно выхваляя мое обращение с офицерами мое старание в занятиях по службе, прибавляя однако ж не редко к тому, Ужели вы думаете || (л. 15 об.) что все ваши труды все ваши мучения с солдатами которых вы обучаете сами у себя на дворе два раза в день, будут отмечены — Посмотрите что с вами делают — Пред сим временем сделали какое то неосновательное с меня денежное взыскание, которое крайне меня огорчало, ибо я находил оное незаконным — После сего опять вскоре приехал ко мне в Ржищев Подп. Муравьев с братом своим Матвеем, служившем при князе Репнине адъютантом и пробыли у меня как помнится два дни; в течении коих, коль скоро только офицеры из моего дома уходили, они неприменным образом всегда заводили разговор то об аглинской, то об американской Конституции, выхваляя оные — Я совершенно ничего дурного не подозревая, и не зная к чему сие ведет с ними безпрестанно соглашался: говоря это хорошо это полезно, желательно что бы все народы были ощастливлены подобными правами — Наконец оба вскричали: браво Полковник, вы наш — мы уверены что каждой благородной человек который себя чувствует, иначе не может мыслить — дайте руку Не проникнув их умысла и действительно будучи так сказать увлечен красноречивыми их разсуждениями я дал свою руку и пожал с жаром прежде руку Матвея а потом Сергея Муравьевых. После сего они мне объявили: что скоро и Россия будет иметь Конституцию — Она уже почти совсем готова, остается только еще согласить ее для всех сословий — Я сказал: дай Бог, что бы добрый Государь поскорее ее издал — Братья с удивлением на меня и потом друг на друга посмотрев, Сергей вдруг подхватил, как, неужели вы думаете Полковник что он нам Конституцию даст добровольно, нет, народ ее требует и знатнейшая и важнейшая особы в Государстве особенно в Москве да и не менее того в Петербурге в состоянии ее дать без Государя — Каждой из нас может и должен ее требовать — Я крепко призадумался и потом начал похаживать по комнате в зад и вперед, отвечая на все вопросы || (л. 16) обеих Муравьевых по переменно, в разсейности, да, конечно, разумеется — и хватал себя безпрестанно за голову, которая начала немного кружится — Подали чай, я сел на софу и при жене моей разговор о Конституции совершенно прервался —

¹ Далее густо зачеркнуто: «Рота» и еще одно слово не разобрано.

² Далее зачеркнуто: «верно».

После чаю, когда жена нас оставила одних, я просил назвать мне несколько из главнейших членов общества — с большим замешательством один отвечал, мы вам полковник скоро все сообщим, другой подхватил, не сомневайтесь ни в чем — Согласитесь что надобно наблюдать большую осторожность — благоразумие для пользы общества того требует, что бы имена членов как можно менее, друг другу были известны — Я сим удовольствовался и в последствии душевно благодарил бога, что не известился об именах членов тайного общества, в особенности при усилившемся борьбах сердца с разсудком, что бы объявить о вредном умысле для правительства с отъездом Муравьевых я перестал быть их соучастником — Но спокойствие души меня оставило равно как и аппетит — Не только жена моя но и все слуги в доме могут свидетельствовать что я с той минуты часто не только по одному дню но и по два и по три дня с ряду часто не принимал почти другой пищи, кроме чашки кофею по утру, будучи в прочем телесно совершенно здоров. — С самаго сего времени переменился я в своем обращении с офицерами — оказывал всем большую холодность — Перестал учить солдат у своей квартиры, которыми до сего регулярно во всякое время года ежедневно занимался два раза — Препоручил всякое ученье батальонным командирам и всячески старался удалять от себя доверенность и привязанность всех своих подкомандующих — К Подполковнику Муравьеву на против того, что бы удалить всякое сомнение я искал вкрасться по возможности в доверенность и в сем скоро успел, но не на долго скрытый сей человек проник кажется в тонкость что в чистом моем сердце происходило — || (л. 16 об.).

В лагере при Лещине мне кажется, он возимел не только ко мне не только большую недоверчивость, но даже опасение, что бы я не открыл дела — Может быть я в сем и ошибаюсь; но при бурном волнении чувств, которых не в состоянии описать сколь сильно раздирили мое сердце, я весьма хорошо помню что при обыкновенных моих возражениях в иступлении чувств при защщении достоинства своего Государя, я был два раза столь неосторожен, что сказал в присутствии Артамона и Сергея Муравьевых, Полковника¹ и Подпоручика² Бестужева Рюмина, напрасно вы так обо мне думаете — вы меня не знаете — В жару разговора только может быть один Бестужев Рюмин порядочно сие слышал ибо вдруг схватив меня сильно за руку, сказал: нет Полковник, мы вас с лишком хорошо знаем, мы³ в вас твердо уверены и на вас полагаем большую надежду — Я душевно порадовался что при сей неосторожности моей, меня не поняли — Пришли некоторые офицеры по службе к Артамону Муравьеву и я успокоился — Но с сего дня я заметил большую недоверчивость к себе обеих Муравьевых и Бестужева и я старался как можно быть осторожнее, большею частию соглашался во всем⁴ при двух встречах с Муравьевыми, Бестужевым и Полковником⁵ в доме Артамона Муравьева, к которому приглашены были на обед. — Артамон Муравьев антузиаст⁶ — Сергей должен быть⁷ злой и мстительный человек⁸. Он увлек антузиаста Бестужева Рюмина, который также может быть чрез него, готов был сделаться

¹ Вероятно, И. С. Повало-Швейковского.

² Слово «Подпоручика» вписано над строкой.

³ В подлиннике ошибочно написано «вы».

⁴ Слова «во всем» вписаны над строкой.

⁵ Вероятно, И. С. Повало-Швейковским.

⁶ Так в подлиннике.

⁷ Далее зачеркнуто: «Злодей».

⁸ Слова «злой и мстительный человек» вписаны над строкой.

злодеем — Полковник¹ мне кажется давал управлять всем трем собою, ибо всегда во всем с ними соглашался — может быть он душевно и предан был злому умыслу — Я не берусь защищать моего 15 летяго знакомаго, хотя мне и известно доброе его сердце. — При последнем обеде Артамон Муравьев перед самым нашим отъездом от его в беседке настаивал что бы непременно поскорее начать дело, послать нарочитаго в Петербург, известить Полковника Пестеля, заставить некоторых полковых командиров 8 дивизии взять участие в деле, от котораго не сомневался что бы могли отказаться — Все были согласны и начали его обнимать. Я слушал, осталенел и молчал — Сергей Муравьев меня спросил: Полковник что вы думаете, ето прекрасно, я давно сего желал и всегда говорил: чем скорее, тем лучше — Увидите что все к нам пристанет — Я с обыкновенным хладнокровием отвечал: Делайте что хотите, а мое мнение, что лучше остаться при первом решении и отложить все, как определено до июня или июля месяца будущаго года т. е. 1826-го Оба Муравьевы почти в один голос отвечали: Полковник, увидите что нас по одиночке переберут — Сергей прибавил и вы может быть только одни тому будете виною — Артамон с жаром присовокупил: не надобно отлагать — у меня какое то верное предчувствие, что нас естьли не всех вдруг, то по одиночке перевяжут — Надобно действовать — Протчия в сем были согласны и все с приметною холодностию при отъезде со мною распространялись — || (л. 17) Не помню порядочно в доме ли Полковника Артамона Муравьева или в доме Полковника¹ но кажется у сего последняго основались наконец на том, что бы не помышлять уже задержать покойного Государя прежде 826-го года, а оставить все по моему мнению до смотра, который не знаю, по какому ими полученному известию, назначен был в июне или июле, но теперь вспомнил, что когда взяли у Полковника Швейковского полк, то Артамон Муравьев пригласил меня на другой день к себе к обеду, где нашел Полковника¹ Сергея Муравьева и Бестужева Рюмина ожидали также члена Полковника Браницкаго, но сей добрый, кроткий человек не приехал — После обеда между разными разговорами, дошло до того, что Сергей или Артамон Муравьев предлагали лишить жизни Государя — Разсудок у меня был в таком замешательстве, что я почти ничего порядочно не слышал, но я помню очень хорошо, что Сергей Муравьев, который всегда вообще более других говорил, в сем случае сказал: Когда Государя не будет, то большая часть дела, естьли даже уже и не все, сделано и конечно: Константин лишился почти всех приверженцев чрез то, что живет в Варшаве, партии он в Петербурге не найдет. Николай и Михаил молоды — их не знают — В памяти моей осталось имя Якубовскаго или Якобовицкаго, который должен совершить удар — Стоит за ним послать — Тут скверный Бестужев Рюмин присовокупил: о я знаю многих, которые не откажутся принять сие на себя — В Петербурге их более одного — Полковник¹ говорил с жаром, но не сказал ничего особенного, что бы могло остаться в моей памяти — К щастию моему я сидел на диване, когда Артамон Муравьев стал между Сергеем М. Полковник[ом]¹ и Бестужевым Рюминым с возвышенным голосом торжественно начал призывать всевышняго в свидетели, что не смотря на то, что он имеет жену и детей, которые ему дороже всего на свете, и что он при перевороте дел в Государстве, может более потерять, чем выиграть, что он собою жертвует, естьли ни кто для совершения удара не същется — || (л. 17 об.).

Опомнившись, когда оба Муравьевы перестали уже с сильным жаром говорить, я начал просить всех что бы они одумались — что для одного

¹ Вероятно, И. С. Повало-Швейковский.

человека, у которого отняли полк, не для чего переменять того, на что прежде решились и что лучше отложить все до будущего лета — Спорили много и хотя безпрестанно утверждали, что не надобно отлагать дела но на конец основались на моем предложении — Часа полтора после сего, когда пришли к Артамону два офицера по службе, которые принудили прервать наш разговор, я оставшись в беседке с адъютантом Ахтырского полка и помнится с Полк.¹ пошел в дом Артамона М., который с Сергеем и Бестужевым разговаривали в другой комнате по французски, я при входе в комнату через двери только мог слышать сии слова Артамона, *Voilà l'énergie de votre homme tant ventée.* *Il ne te plait pas, par sa froideur*² — Я уехал за час до сумерок и переодевшись дома, пошел к Полковнику Враницкому, что бы ему все пересказать и уговорить немедленно сходить со мною к Генералу Роту и все открыть — Но я³ застал Враницкого больного и страждущаго — Одумался — посидел около получаса, разговаривая о посторонних вещах и возвратился в лагерь.

Несколько дней после сего, по окончании перед лагерем Полтавского полка, я зашел в балаган к Подполковнику Муравьеву, что бы попросить у его вторую часть походов Наполеона — Посидев несколько минут, вошло к нему множество молодых артиллерийских офицеров, мне неизвестных и с ними Подпоручик Бестужев Рюмин, который подошел ко мне сказал на ухо, ето все наши — славныя люди. — Я невольным образом содрогнулся — На другой день я поехал опять к генералу Роту — спросил ординарца и потом часовых, нет ли кого у Генерала, получил в ответ: нет никого — и опять спросил в разсейности часовых, да он может быть занят — Мне отвечали не знаем: — не угодно ли войти, адъютант об вас доложит — Холодный пот выступил у меня — Сердце обмерло — Волоса стали дыбом — Я остановился, призадумался — и воротился домой — Ночью я заболел и довольно трудно || (л. 18) Сердце около двух дней билось так сильно, что я ожидал что со мною сделается удар, тем более, что и все жилы в голове ужасным образом напряглись — Не помню, на первую или на второй день моей болезни, когда я лежал в постели и офицеры некоторыя, у меня пили чай, вошел ко мне в балаган Сергей Муравьев и Бестужев Рюмин с двумя офицерами сколько помнится Принца Оранского полка, рекомендую их, прибавили весьма тихо: ето наши — Один называется Паскевич, а другого не помню — Разговора о тайном деле у меня ни с ними, ни с артил. офицерами в балагане у Муравьева, совершенно никакого не было — Еще помню что в Лагере мне Муравьев или Бестужев рекомендовали двух молодых офицеров Пензенского полка одного майора⁴ а другого чина не знаю, но он кажется командовал 2-ю Гренад. ротою, которую я видел, что он вел в Лагерь, сменившись с караула в Житомире — с обеими сими офицерами я ничего не говорил. — Вспоминаю теперь имя Тютчева⁵ и едва ли он не третий еще из Пензенских офицеров, которых мне Муравьев рекомендовал⁶ — ибо и он командаeт ротою. Кроме офицеров моего полка и дивизионных адъютантов бывших у меня по службе и из коих не думаю что бы кто нибудь был членом общества, у меня ни одного раза не было никакого сходьбища — Подполковник Муравьев был у меня

¹ Вероятно, И. С. Повало-Швейковским.

² Франц.: «Вот вам хваленая энергия вашего человека. Он мне не нравится из-за его холода».

³ Слово «я» вписано над строкой.

⁴ Вероятно, М. М. Спирикова.

⁵ В подлиннике ошибочно: «Тутчева».

⁶ Далее зачеркнуто: «Ибо он».

чаще других и почти всегда с Бестужевым — Полковник¹ три или четыре раза, Полковник Враницкой только два раза Полк. Артамон Муравьев всего один раз, и то, что бы переодеться для встречи Генерала Барона Толя, Но у меня ни с кем из их по щастью разговора о тайном деле не было, или самой незначительной должен был быть, потому что я ничего не помню, и никогда ни с кем онаго не начинял. —

В 1824-м году, кажется в июле месяце, когда 9 дивизия была собрана для смотра в Белой Церкви проезжал Полковник Пестель, к которому Подполковник Муравьев наставлял, что бы я непременно сходил и познакомился — Человек сей не только мне не понравился с первого раза, но я ужаснулся с каким жаром с первой минуты он начал со мною говорить о введении Конституции в Государстве — Он уверен был что Россия непременно в 1825-м году ее уже иметь будет — К щастию || (л.18 об.) жена моя за мной прислала скоро человека, и я всего у его пробыл не более 20 минут —

Полковник Пестель и Подполковник Муравьев кажется, первыя и самая главная члены общества, и оным управляли — Может быть я ошибаюсь — Я никогда не старался вникнуть не только в сии тайны, но вообще ни в какия, во всю мою жизнь — Мои братья были членами Массонской ложи — Как они, так и некоторые другия из лучших моих знакомых, желали что бы и я вписался в массоны, но я никаких тайнств не мог терпеть — Вспоминаю теперь, что слышал от Сергея Муравьева, что какой то Тургенев в Петербурге работает над Конституциею, — Муравьев и Пестель должны быть с ним в переписке. —

В Белой Церкве бывали у меня кроме моих офицеров, Ахтырского полка два брата Годениуса, из коих я одного определил Подпрапорщиком в Л. Г. Измайловой полк, через Полковника, что теперь Генерал — Манором, Мартынова — Франк, который со мною воспитывался в 1-м Кадетском Корпусе, Семичев, Подполков. Арсеньев, но с которыми я никогда ни одного слова о Конституции или тайном обществе не говорил — Хотя они все честных правил и как мне кажется, не должны принадлежать к обществу или что об оном знать, но я не могу ручаться, что бы они после того не поступили в общество, подобно артиллерийским офицерам в Лещине; впрочем, я ни от кого не слышал, чтобы они соблазнились. —

В Декабре 1824-го или в Генваре 1825-го года, короткое время спустя после того, как я писал к Генерал-адъютанту барону Дибичу и просил его убедительнейшим образом, не отказать мне в ходатайстве своем о переводе меня из 3-го пехотного корпуса по своему усмотрению, — приехали ко мне в Ржищев два брата Муравьевых Матвей и Сергей и уговаривали всячески что бы я полка не оставлял, не могши меня к тому склонить Сергей Муравьев, после долгой тщетной прозьбы стал передомною на колени и умолял снова, что бы я сего не делал, заклинал меня благом общества не лишить их подпоры, и твердя безпрестанно, что он прежде не встанет пока я не обещаюсь исполнить прозьбы его, остаться командиром полка, естьли бы он и должен был умереть у моих ног, по моей неумолимости — Я безпрестанно || (л. 19) его просил не дурачиться и встать и наконец видя его не отвязчивость, дал обещание, что естьли по письму моему к Генералу Дибичу не буду переведен, то не только останусь служить, но и проситься не буду к другой должности — Они были сим довольны, не смотря на все возражения мои и представление с какими трудностями сопряжено, приведение в действие нашего дела без воли Государя Императора — Не легко

¹ Вероятно, И. С. Повало-Швейковский.

мне было бороться с сими двумя весьма умными, начитанными людьми и преданных с антузиазмом, идеи ввести в России Конституцию. —

Прошедшего года на контрактах был я приглашен на обед к отставному Полковнику Давыдову — человеку чрезвычайно добром и веселому — Приехав нашел там все незнакомых мне людей, кроме Полковника Пестеля — Давыдов не знаю через кого сведал (вероятно через Пестеля или Муравьеву) что я член общества, встретив меня, сказал на ухо — это все наши — Тут был Полковник¹ один молодой офицер по квартирмейстерской части, адъютант графа Витгенштейна К. Барятинской, Маир Поджио, Полковник Враницкой, Интендант 2-ой армии Юшневской, Генерал Князь Волхонской, отставной Генерал Маир Давыдов пришел во время обеда и произвел во всех большое замешательство — Мне после обеда сказал брат его, что он не принадлежит к обществу — Разговора вообще ни прежде, ни после обеда никакого о деле не слыхал. Может быть, тут еще кто нибудь был, но я не могу того вспомнить — Кажется, я всех называл — На другой день был у меня Полковник Пестель вечером и вскоре после его приехал Полковник Враницкой — Они долго разговаривали между собою, а я сел на канапе и не вмешивался в разговор — Приехал вдруг проститься² ко мне Полковник Набоков, человек честнейших правил и не причастной дела, большой обожатель покойного доброго нашего отца Государя, с которым иногда мне случалось беседовать, сколь несправедливо на Государя слагают вину злоупотреблений в государстве существующих — Набоков приметив, что мы заняты, сказал, что у него лошади заложены и что он сейчас отправляется — Простился со мною и уехал — Скоро Пестель и Враницкой после того также уехали — || (л. 19 об.).

Враницкой доброй и честной человек — с каким сердечным чувством обнял я его однажды при разговоре о нашем деле, когда услышал что он одного со мною мнения о нашем добром Государе — Он верно обольщен Сергеем Муравьевым.

Недели за две до выступления моего с полком из Ржищева к Бобруйску, поехал я к Полковнику³ что бы склонить его открыть дело — Но к нещастию приехав к нему вечером поздно — не застал его дома, собрался у его в доме ночевать — но одумался и поехал ночью к Полковнику Набокову, от которого того же дня, сколько он с женою и сестрою ни старался упрашивать, оставаться погостить у них, я отправился через Белую Церковь, опять домой. — Надобно было быть в моем положении, что бы познакомиться с ужасными мыслями о предательстве, обвинительстве и доносе — Ад не может для честного человека придумать злейшаго мучительства — Забыл было объявить еще что мне известно что Полковник К.Трубецкой также член Общества — Человек добрый, честной и кроткий — Хотя я его еще знал Подпрапорщиком в гвардии и возобновил с ним знакомство прошедшего лета при разводе, когда один батальон Полтавского полка находился там для содержания караула, — был несколько разов у его в доме, но никогда разговор не касался до общества. —

Прибыв с полком в Бобруйск я тот час сделал донесение Командующему дивизией, что Подпоручик Бестужев Рюмин не находится при полку через несколько дней он ко мне явился — Кажется, да и точно в тот самой день как я с полком присягали Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу, как всероссийскому Государю Императору — Я Бестужева

¹ Вероятно, И. С. Повало-Швейковский.

² Слово «проститься» вписано над строкой.

³ Вероятно, И. С. Повало-Швейковскому.

тот час арестовал и о том донес по команде — Через две недели или более, только за несколько дней прежде полученных в Бобруйске известий о страшных произшествиях в Столице, || (л. 20). пришел ко мне Подпоручик Бестужев Рюмин в чрезвычайном отчаянии просить вспомоществовать ему в получении отпуска в Москву, для отдания последняго долга сыновнева, родителям и получения отцовского благословения, — Предъявил мне письмо о кончине матери и о болезни отца, я по прочтении был тронут до глубины сердца, ужасным его положением — с начала сказал что мне весьма больно, что я не в состоянии исполнить его просьбы и советовал написать ему к Корпусному Командиру и отправить письмо с естафетою в Житомир, для получения скорейшаго ответа но напоследок, после убедительнейших, сильных просьб, решился отправить его за жалованiem, чтобы из Киева по естафете получить скорее ответ от Генерала Рота — Он дал мне клятвенное обещание, не только из Киева никуда не отлучаться, но и пробыть там не более трех дней, даже и тогда, если не получить на свое письмо ответа и непременно, во всяком случае возвратиться в Бобруйск не позже 24-го Декабря — Бог тому свидетель, что далеко от того чтобы подозревать что нибудь дурное от сего чернаго злодея, я единственno только из чистейшаго сострадания к поразившему его нещастию, согласился на его просьбу! —

Что бы знать хорошо все изгибы черной души, надлежит кажется, родиться извергом — что бы обнять хорошо понятием чистоту человеческаго сердца и изящная чувствования оного, должно быть самому весьма чувствительным, превосходным, великим человеком — Меня немногия — весьма немногия поймут — это я знаю — Заметил ли ктонибудь во мне то, что я всегда довольствовался одним чувством того достоинства, что от неба мне досталась в удел при рождении моем такая душа, которая умела прощать ненависть, неблагодарность и обиды — С завистию я не знаком — Меня не понимали часто тому удивлялись — но еще чаще того, приписывали все, каким ни есть скрытым видам — || (л. 20 об.). Бог давал мне превосходную, кроткую, добрую сопутницу для сей бременной жизни — но прежде сего, в молодости моей, измена и коварство, в чистейшей любви и дружбе с моей стороны, сильно потрясали мое доверчивое сердце — И от сего то, я не прилеплялся никогда ни к какому знакомству — Не искал снискивать любви — которая впрочем всегда была приятна, в особенности в подкомандующих моих и слугах, но дорожил всегда уважением, котораго не заметил чтобы кто нибудь мне отказывал — Не смотря на строгость мою по службе, которая как обыкновенно случается, должна бы была отдалить от меня привязанность моих подкомандующих, я был не только почитаем, но и любим офицерами и солдатами, кажется единственно только по правоте и строгой всегда безпристрастной справедливости во всех случаях, как в Мингрельском, так и в Смоленском и Полтавском полку — От сего последняго, я никак не ожидал той привязанности, какую при арестовании моем ночью в Бобруйске, всевышний послал мне в утешение и подкрепление — Трогательнее и разительнее сей любви и преданности, ничто не может быть — Воспоминание сей сцены, — в особенности слезы гренадера стоявшаго на часах у казеннаго ящика в котором искали моих бумаг и теперь еще приводят в восторг нещастнаго заключеннаго.

Торжественною, сильною, ужаснейшею клятвою, какая только смертным с чистою совестью может быть пред Олтарем всевышняго произнесена, готов все вышепрописанное подкрепить в присудствии Всеавгустейшаго монарха, моих обвинителей и всех заключенных нещастных имевших участие в тайном деле, по которому имеется на меня подозрение.

В а с и л ий К а р л о в , с и н Т и з е н г а у з е н
бывший командир Полтавс. пех. полка¹
Генерал Адъютант Ч е р п и ш е в || (л. 21.)

№ 11 (5)²

Высочайше учрежденный Комитет требует от Полковника Тизенгаузена откровенного признания.

1.

Как ваше имя и отчество сколько от роду лет.

2.

Какой веры и каждогодно ли бываете на исповеди и у святаго причастия?

3.

Присягали ли¹ на верное подданство ныне Царствующему Государю Императору.

4.

Где воспитывались? Если в публичном заведении, то в каком именно, когда и куда из оного были выпущены? и ежели у родителей, то кто именно были ваши учителя и наставники?

5.

В каких предметах вы старались наиболее себя усовершенствовать или приготовить?

6.

Не слушалили сверх того особенных лекций в каких предметах наук, у кого когда и где именно? || (л. 21 об.)

¹ Показание написано В. К. Тизенгаузеном собственноручно.

² Точная дата документа не установлена, поэтому он занимает то место, которое имеет в деле.

7.

С которого времяни откуда заимствовали первыя вольнодумческия и либеральныя мысли т. е.: от внушений ли других или от чтения книг и каким образом мнения сего рода в уме вашем укоренялись?

8.

Когда вы вступили в службу, где и каким образом продолжали оную и не были ли за что либо в Штрафах или под Судом, когда и чем дела были окончены?

Генерал Адъютант Ч е р н ы ш е в

На требуемое Высочайше учрежденным Комитетом откровеннааго признания по вышеозначенным пунктам, донесть честь имею:

1.

Имя мое Василий Қарлов Тизенгаузен. — От роду мне сорок шесть лет.

2.

Лютеранского исповедания. — У святаго причастия в течении трех лет бывал во все продолжение своей службы редко более одного разу. — В последний раз приобщался святых таин 1825-го года в июне месяце в г. Киеве.

3.

На верное подданство присягал ныне царствующему Государю Императору 1825-го года в Декабре месяце в Бобруйской крепости.

4.

Воспитывался в С. Петербурге в первом Қадетском корпусе, из которого выпущен 1799-го года Майя 26-го дня. Подпоручиком в 3-ий Егерский полк || (л. 22).

5.

Из числа преподаваемых в корпусе науках старался наиболее усовершенствоваться в Истории, Географии и математических предметах; в особенности же в артилерии и фортификации.

6.

Особенных лекций в других науках кроме тех которых преподавались в корпусе, ни у кого никогда не слушал.

7.

Первые вольнодумческие либеральные разговоры которых на меня обратили свое внимание, слышал в 1824-м году от членов тайного общества, но оные не только при начале своем но и в последствии времени не сделали такого сильного впечатления, что бы могли во мне вкорениться.

8.

В службу вступил 1799-го года, Мая 26-го дня из 1-го Кадетского Корпуса, Подпоручиком в 3-ий Егерской полк, имевший тогда непременные свои квартиры в Финляндии. — Продолжал ону всегда во фронте, изключая только находления моего адъютантом в 1809 году при Генерал-Губернаторе новой Финляндии, Графе Спренгтпортене и в 1814-м и 1815-м годах при Генерал-квартирмейстере (что ныне генерал адъютантом) Бароне Дибиче. — Какими же чинами в продолжении своей службы в какое время¹ происходил, того с точностию объявить не могу, ибо месяцы и числа большою частию забыл и помню только годы а именно Поручиком в 1802: Штабс Капитаном и Капитаном в 1811; переведен Лейб-гвардии в Семеновской полк капитаном в 1814; Полковником 1815-го года августа 30-го дня. — В отставке находился два раза в первой раз с 1805-го года сентября 16-го дня по 18-ое февраля 1809-го года а во второй с 1817-го по 1819-ой год (месяцы и числа не помню, как равно и с точностию² день февраля 1809-го года, когда в первый раз был принят в службу и из отставки назначен адъютантом).

Полковник Тизенгаузен.³ || (л. 22 об.)

В штрафах и под судом никогда не находился

Полковник Тизенгаузен³

Генерал-Адъютант Чернышев || (л. 39)

№ 12 (10)

1826 года Генваря 16-го дня в присутствии Высочайше учрежденного комитета для изыскания о злоумышленном обществе Командир Полтавского Пехотного Полка Полковник Тизенгаузен спрашиван в пояснение первого его показания.

В данных здесь ответах, вы совершенно отрицаетесь не только от участия в тайном обществе, но и от самого знания об оном; члены же сего общества Полковник Пестель, Генерал Маиор Орлов, Князь Трубецкой и капитан Майборода решительно утверждают, что вы находились в их сообществе. При чем Комитет имеет ясных удостоверения, что командуемаго вами полка подпоручик Бестужев-Рюмин будучи одним из ревностнейших членов тайного общества безпрестанно разъезжал по Губерниям Киевской, Подольской, Волынской, Минской и проч. и даже в Варшаве единственно для злоумышленных сношений || (л. 39 об.) между обществами и членами.

¹ Слово «время» написано дважды.

² Слова «с точностию» вписаны над строкой.

³ Показание написано В. К. Тизенгаузеном собственноручно

Офицер же сей без позволения или без явного потворства начальника своего не мог отлучаться от полку.

И потому Комитет требует от вас откровенных и сколь можно ясных ответов по нижеследующим вопросам, предворяя, что дальнейшее запирательство ваше послужит только к усугублению вины вашей.

1.

Когда, где, кем имянно вы были приняты в тайное общество? Что побудило вас вступить в оное, кто были известны вам члены, и под каким названием общество сие существовало?

2.

В чем заключались все различные и в разные времена предположенные цели, или намерения и меры к их исполнению со стороны Северного и Южного обществ, в какое время и в каких местах полагалось начать открытые действия? || (л. 40).

3.

С которого времени Южное общество предприняло намерение ввести в России Республиканское Правление посредством революции и посягнуть против священных особ Августейшей Императорской фамилии?

4.

Кто первыя из членов предложили мысль сию и кто наиболее стремился к ея исполнению?

5.

Какие средства и надежды имело общество для достижения своей цели т. е. какая имянно войска и почему оно почитало готовыми ему содействовать, и кого из высших лиц в государственной службе считало своими покровителями и по каким причинам?

6.

В чем состояли главные черты Конституции под названием *Русской правды* и правил общества написанных Пестелем?

7.

С общаго ли согласия, когда, где и кем были написаны две прокламации к народу и Войскам и ложный, преступный || (л. 40 об.) Катихизис общества и какого онаго содержания?

8.

Известны ли вам были намерения Тайного общества:

- а) Покуситься на жизнь Блаженной памяти Государя Императора, в бытность Его Величества в Москве в 1818 году чрез Якушина.
- в) возобновить сие покушение при предполагаемом в Маине 1826 года осмотре 3-го корпуса в имении Графини Браницкой.
- с) Отправить выбравшихся 15 человек в Таганрог, что бы извести там Государя.

9.

Какия именно, вам известны тайные общества существуют внутри России, в Малороссии и в Кавказском Корпусе, где, с которого времени имеют они Управы свои или Думы и в особенности не находятся ли таковыя в Пензе, Симбирске и Нижнем Новгороде и кто в них Начальствует?

Здесь объясните в особенности: читали ли вы отчет Кн. Сергея Волконского || (л. 41) о состоянии тайного отдельного общества в Кавказском Корпусе, в чем состояло его содержание, кто известен вам из членов сего общества, так же какия чрез кого и когда имело оно сношения с Южным Обществом?

10.

Комитет имеет точное удостоверение, что вы, Князь Сергей Волконской, Полковник Повало-Швейковский и Кн. Барятинский в разное время были употреблены Южным Обществом для сношений и переговоров с обществом Северным.

Поясните: когда и в чем состояли означенные сношения, или переговоры, с кем из Северных членов производились и какия от них получены были отзывы?

11.

Знали ли вы о том, что Южное общество писало к польским с укоризною за Его недеятельность против Цесаревича, и что члены общества соединенных Славян спрашивали у Бестужева, не задержат ли Великаго Князя Михайла Павловича на пути из Варшавы?

12.

Комитет имеет удостоверительные показания, что вы вместе с Сергеем Муравьевым намеревались остановить Блаженной памяти || (л. 41 об.) Государя Императора в Бобруйске в прошлом 1823 году и покуситься на жизнь Его Величества; но были удержаны от того Пестелем.

Объясните каким образом сие происходило?

13.

Какия именно тайные общества существуют собственно в Польше, в каких местах заведены отделения их, кто известен вам из членов, к оным принадлежащих, и какия имеют они цели, или намерения?

Комитету известно, что вы находились в сношениях с сими обществами, почему и должны вы представить точнейшее объяснение как о составе, намерениях и действиях их так и о том, в чем заключались сношения ваши, когда и с кем оныя происходили?

14.

Комитету известно, что поляки присыпали к вам Маршала Мошинского для переговоров по Литовскому Корпусу || (л. 42).

Отвечайте: когда был у вас сей Мошинский, в чем имянно заключались взаимные переговоры, и по чьему поручению оныя вы производили?

15.

Что имянно было вам известно о сношениях Польских Обществ с Дрезденским и другими таковыми же в Европейских Государствах существующими и с Англиею?

16.

Почему вы допускали Подпоручика Бестужева Рюмина непрерывно отлучаться из полку для преступных сношений с членами тайного общества? и зная либеральный образ мыслей его, который он осмеливался обнаруживать даже пред своим начальником, какими мерами взыскания старались воздержать его, и доносили ли вы об нем по команде, когда, кому имянно и какия имели на счет его предписания?

Въпрочем, присовокупите здесь все вам известное на счет тайных обществ, их намерений, действий и лиц к оным принадлежащих.

Генерал-Адъютант Ч е р н ы ш е в || (л. 43)

№ 13 (11)

1.

Естьли можно назвать принятием в тайное общество, то, что во время ¹ разговора моего о Конституции алинской ² и американской, которую бывшия у меня в гостях 1824-м году, месяца не упомню — два брата Муравьевых Сергей и Матвей, самым красноречивейшим образом и с большим жаром выхваляли, я соглашался во всем с ними, говоря что действительно для всех

¹ Первоначально: «после»

² Так в подлиннике.

народов для их щастия, для их благоденствия послужит то, что они будут иметь свои права, и что я не отказался подать руку обеим Муравьевым, когда они того просили: говоря: вы наш — мы это знали — мы в том не сомневались то я действительно член общества, несмотря на то, что сердце мое в том ни мало не участвовало — Оба Муравьевы могут подтвердить то, что участие мое при сем случае было самое чистое; ибо я с чувством и от души говорил: и мы со временем может быть, будем так щастливы, — доброй наш Государь нам верно в том не откажет — Начало сделано — Наши немецкия провинции уже пользуются вольностью — Как, неужели вы думаете, сказал на сие Сергей Муравьев что Государь на сие согласится — что он о сем помышляет. Нет, не ожидайте сего — да впрочем сего и не нужно — Народ сам потребует от Государя Конституцию и заставит его согласится — Мы уже имеем Конституцию. Она готова, хорошо обработана — остается только еще согласить ее для всех сословий, и тому подобное — Оба брата при моем молчании, безпрерывно взглядывали на меня, посматривая из редка друг на друга — Я любил покойного Государя, почитал его и уверен был, что он печется о благе своего народа — Не в состоянии по сему описать того действия, какое во мне произвели речи обеих Муравьевых, ибо и Матвей тут же говорил разное, но что того не помню — вспоминаю только что я с начала беспрестанно хватался за голову и что потом мне сделалось дурно, голова начала кружиться, так что я принужден был встать и для облегчения начал ходить по комнате в зад и вперед Тут скоро подали чай — пришла моя жена — разговор прекратился о Конституции и я сел на диван, не вмешиваясь в разговор, которой Муравьевы начали с мою женою — || (л. 43 об.).

Помню, что оба Муравьевы говорили еще, что знатнейшие люди в Москве и в Петербурге между собою условились непременно ввести Конституцию. После чаю, когда жена моя нас оставила, я просил Муравьевых назвать мне несколько из важнейших лиц, которым дело препоручено и которых всем управляют но они мне по переменно отвечали: Мы этого вам сказать не можем и не смеем — Польза общества требует, что бы имена членов как можно менее, друг другу были известны подумайте о сем и вы верно сами в том согласитесь — но не сомневайтесь ни в чем — В свое время вы все узнаете мы вам все скажем — Я в прозьбе своей не настаивал ибо заметил недо[в]ерчивые взгляды, которые они на меня кидали. Может быть, мне только сие казалось потому, что я был встревожен — Я могу ошибаться в сем их сомнении — После не столь уже важного для меня разговора, какой был прежде, мы скоро разстались — Они уехали и я перестал быть членом их сословия — и не могу себя признать принадлежащим к оному, потому, что коль скоро только Муравьевы меня оставили, у меня родилась мысль, непременно объявить о их намерении — Но почему я сего не сделал, в том настоящего отчета и теперь дать не могу — Мысль доносителя, обвинителя, предателя меня ужасали — чувствовал что непременно должно как для общественного спокойствия, так и для сохранения чести своей, открыть все, что мне известно — Но сколько ни боролся внутренно с собою¹ сколь близок ни был несколько разов объявить о сем при одном часто воспоминании о Государе но никак не мог собраться твердо и решительно с духом до несть о сем начальству.

Название общества мне неизвестно и я никогда об оном ни от кого не слыхал т. е. о его названии² — Конституцию же помнится мне хотели издать под названием российской правды. —

¹ Слова «с собою» вписаны над строкой.

² Слова «т. е. о его названии» вписаны над строкой.

Известныя мне члены были: Подполковник Сергей Муравьев, Отставной Подполковник Матвей Муравьев, брат его, — Полковник Иван Швейковский, Полковник Пестель, Подпоручик Бестужев Рюмин, Полковник Враницкий, о сих я известился в 1824-м году, в разное время, от Подполковника Муравьева. — Генерал Майор Князь Волхонской Отставной полковник Василий Давыдов, интендант 2-ой армии Юшневской, два брата Поджио, Иосиф и Александр (естьли не ошибаюсь), Князь Баратынский, адъютант Генерала Графа Витгенштейна, один офицер по квартирмейстерской части, который женат на девице Бороздиной, Полковник князь Трубецкой, множество артилерийских молодых офицеров принадлежащих к 3 пех. корпусу, коих имена мне неизвестны¹ Паскевич и еще один офицер Гусарского Принца Оранского полка, майор Пензенского полка Штабс-капитан Тютчев² и командир 2 грен. роты, также оба Пензенского полка — Полковник Артамон Муравьев о коих узнал в 1825-м году, в Киеве и в Лещине. — || (л. 44) От Подполковника Муравьева или брата его Матвея, я однажды по не помню при каком случае и где, слышел что дела обрабатываются в Петербурге каким то Тургеневым и что у Пестеля в полку, принят членом офицер Майборода но я их обеих никогда не видел.

2.

Ни о северном ни о южном обществе я совершенно никогда ничего не знал и не знаю — Естьли сии два общества принадлежали к тому самому, к которому все вышепоименованныя мною, члены принадлежали, то действия полагали открыть в том месте, где будет назначен смотр войскам, бла-женная памяти Государем Императором священную особу которого хотели Задержать и Заставить дать народу Конституцию — Надеялись и удосто-верены были в содействии не только войска но и народа — О сем я изве-стился от Подполковника Муравьева. —

3.

С которого времени Южное общество (мне неизвестное) предприняло намерение ввести в Россию республиканское правление, посредством рево-люции и посягнуть на жизнь Августейшей Императорской фамилии, того не знаю, но

4.

в 1825-м году, в августе месяце в м. Лещине когда 3 корпус был собран для смотра Начальника Штаба 1-ой армии, Генерал-адъютанта барона Толя, Полковник Артамон Муравьев, пригласил меня к себе на обед вместе с Пол-ковником Швейковским (которому отказано было от полка) Подполковни-ком Муравьевым и Подпоручиком Бестужевым и в доме его, когда мы после обеда остались одни, то Подполковник Муравьев предложил первой, что бы непременно начать дело, брался поднять 8 дивизию, на 9-ю и на 3 Гусар-скую он совершенно надеялся; в особенности же на Черниговской полк и на всю артиллерию — Хотел послать за братом своим Матвеем, что бы

¹ Слова «коих имена мне неизвестны» вписаны над строкой.

² В подлиннике «Тутчев».

его отправить в Петербург и в Москву, где говорил что все готово, упомянутая: что вместе с тем, также непременно нужно уведомить Якубовича, дабы он был готов и прибавил: да и у многих не дрогнет рука — их в Петербурге довольно брат найдет всех кого нужно — Артамон Муравьев присовокупил — надобно действовать, пора начать — у меня предчувствие, что естьли будем медлить, то нас или всех вдруг или по одиночке переберут и перевяжут — || (л. 44 об.). Все соглашались и были довольны, говоря пора начать. —

Я сидел в молчании, не произнося ни одного слова — Язык у меня от ужаса онемел — Я невольным образом задрожал, сколько ни старался казаться покойным. — Вдруг Артамон Муравьев обратился ко мне и спросил: а вы как думаете Полковник! — Я отвечал — И вы думаете, что так легко рука может подняться на Государя — Подобных извергов не много в свете и хотел еще продолжать, но Артамон Муравьев не дав мне кончить, возвышенным голосом — и почти в иступлении воскликнул: ну так я вам за себя отвечаю и готов собою жертвовать, естьли не сыщется другаго — Не смотря на то, что я имею жену и детей, которых люблю — что при сей перемене не могу столько выиграть, сколько рисую потерять, но я готов всем жертвовать общему благу — сколько я не был смущен, но старался преодолеть себя и показать спокойной вид я прервал его и обратясь к прочим сказал: а мое мнение, что лучше оставить дело как прежде предположено, до будущаго года — Начался довольно шумный спор, между обеими Муравьевыми, Швейковским и Бестужевым — Все были моим предложением недовольны, но приходя мало по малу в себя, продолжали говорить гораздо спокойнее и наконец согласились на прежнее, что бы отложить все до будущаго лета — Но Артамон Муравьев еще раза два или три повторял — Вспомните мое предчувствие — Вы увидите что оно сбудется — с меньшим жаром всегда говорил Швейковский, который впрочем, почти всегда был одинаково с ними мнения — Пришел адъютант и еще один Штаб-офицер — Прежний разговор совсем прервался — Начало смеркаться — и я поехал в Лещин, в твердом намерении зайти к Полковнику Враницкому, доброму и кроткому человеку, разказать ему все и уговорить его сходить со мною к Генералу Роту и все открыть но застав Враницкаго больного, ничего не упомянул о происходившем у Муравьева, решил сходить один к корпусному командиру, но воротился домой, не в состоянии будучи собраться с духом сделать открытия. В ту же самую ночь я от сильной борьбы чувств и || (л. 45), необыкновенного волнения в крови, трудно заболел и пролежал два дня в постели — Все жили так напряглись, что я ежеминутно ожидал испустить дух или получить удар.

О сем злом совещании обеих Муравьевых, Швейковского и Бестужева, (в доме Артамона Муравьева) я покорнейше прошу верховной Комитет строжайше распросить злоумышленников — с нечистою совестию упорные не покаявшиеся должны вину своего заключения мне приписать, не смотря на то, что без моего может быть увещания и несогласия с их мнением, они бы невозвратно погибли и что через возстанье противу Законной власти 3-го Корпуса, кровь бы полилась ручьями Но пути всевышняго неисповедимы — Умолкаю!

5.

О средствах общества для достижения своей цели мне ничего другаго неизвестно, кроме того, что они по моему мнению, должны были иметь людей злых готовых на все решиться и главная их надежда была та, что коль

скоро только некоторая часть войск 3-го корпуса возстанет, то не только вся первая, но и вторая армия и весь народ непременно возстанет — Готовыми же им содействовать были вероятно множество членов, которых приобрели как в армии так и между народом — По каким же причинам и кого именно из высших лиц в Государстве как по военной так и по Статской службе, кроме поименованных мною в 1 пункте, я совершенно ничего не только не знаю, но никого даже и подозревать не могу; ибо не помышлял даже стараться узнать о том. —

6.

В чем состояли главные черты Конституции под названием Русской правды и правила написанныя Полковником Пестелем, о том я ничего никогда не знал и не знаю — Но есть ли не отыскали бумаг сих ни у Пестеля, ни Тургенева, которые по словам Сергея и Матвея Муравьевых над Конституциею работали, то я полагаю, что все сии бумаги можно будет отыскать в имении Муравьевых, в с. Хомутце, есть ли только Матвей Муравьев схвачен || (л. 45 об.). Он мне сам говорил что он ездил для сношений два или три раза в Петербург. —

7.

Когда, где и кем были написаны две прокламации к народу и войскам и ложный, преступный катихизис общества, и с чьего согласия, о том ничего другого не знаю, кроме слышанного от обеих Муравьевых что будет издана прокламация для войска, в которой армии объявляют значительную привалку в жалованье как для генералов, так и для офицеров и нижних чинов — Сим последним назначалось уменьшить несколько лет службы. —

8.

О намерениях тайного общества покуситься на жизнь блаженной памяти Государя Императора

а) в бытность Его Величества в Москве в 1818 году через Якушкина я ничего не знаю и никогда о том не слыхал.

б) О возобновлении сего покушения при предполагаемом не в маине но и в июне или июле месяце 1826-го года, о смотре 3 Корпуса в имении Графини Браницкой все что знаю, пояснил в 4 пункте, и совершенно никаких подробностей более сообщить не могу —

с) Об отправлении в Таганрог¹ выбравшихся 15 человек, чтобы извести там Государя, совершенно ничего другого не знаю и никаких подробностей сообщить не могу, кроме показанного в 4 пункте. —

9.

Ни о каких тайных обществах существующих в какой бы то ни было части России, я совершенно ничего не знаю, кроме того, котораго меня считают членом, но котораго названия еще не слыхал, а по сему не могу дать

¹ Слова «в Таганрог» вписаны над строкой.

никакого сведения с которого времени таковыя имеют свои управы или думы, находятся ли таковыя в Пензе, Симбирске и Нижнем Новгороде и кто в них начальствует.

Об отчете Князя Сергея Волхонского, о состоянии отдельного тайного общества в кавказском корпусе я совершенно ничего объяснить не могу; ибо не только онаго не читал, но об оном никогда ничего не слыхал || (л. 46) а по сему того еще менее в состоянии объявить что о его содержании — о членах сего общества также совершенно не известен как равно и о каких бы то ни было сношениях онаго с южным обществом — Только Подполковник Муравьев мне однажды говорил, что и в отдельном Кавказском Корпусе есть уже члены общества. — Сие было им мне сказано в 1825-м году и в Лещине объявил: что через Ш. К. Тютчева ¹ узнал, что существует какое то пустое общество под названием Соединенных Славян. —

10.

Южным обществом я не только не был, но и не мог быть употреблен ни для каких сношений или переговоров с обществом Северным, ибо во первых: я ни названия ни существования сих обеих обществ никогда не знал — во вторых, в течении пятилетия квартирования с полком в Ржищеве никогда ни куда не отлучался кроме того что был в 1822-м году на святой неделе в гостях у Полковника Набокова один день и у Полковника Швейковского один день, да в 1825-м году был также в Генваре месяце с женою у Полковника Набокова два дня — В Киев ездил три последния года во время контрактов, на 4 или 5 дней каждой раз и сверх того 10-го или 11-го Октября 1825-года был в Радомысле, но не застав там Полковника Швейковского, воротился назад ночью, да также был в двух верстах от Переяслава три раза в гостях у помещика Семена Михайловича Канцевича с которым знаком с 1804-го года.

11.

Не только о том ², что южное общество писало к польским не только с укоризною за недеятельность против Цесаревича, но о чем бы то ни было, мне совершенно никогда ничего не было известно, кроме того, что мне говорил Подполковник Сергей Муравьев (в 1824-м году в Декабре или в 1825-м году в Генваре, когда он заезжал ко мне с братом своим в Ржищев, чтобы уговорить меня не оставлять службу а остаться командиром полка, узнав что я просил Начальника Главного Штаба Е. И. В. Генерал адъютанта барона Дибича, не отказать мне в своем ходатайстве, о переводе меня из 3-го Корпуса или о пристроении меня к какому бы то ни было другому месту), что общество в сношении с поляками, которым обещано возстановление их королевства, естьли будут содействовать обществу. — || (л. 46 об.) Что члены общества соединенных Славян (о существовании коих я был извещен в Лещине Сергеем Муравьевым) спрашивали у Бестужева, не задержать ли Великаго князя Михаила Павловича на пути из Варшавы я совершенно ничего не знаю и о том никогда не слыхал. —

¹ В подлиннике «Тютчева».

² Слова «Не только о том» вписаны над строкой.

12.

Показания сделанныя противу меня, что яко бы я вместе с Сергеем Муравьевым намеревался остановить блаженной памяти Государя Императора в Бобруйске в 1823-м году и покуситься на жизнь Его Величества, совершенно ложныя — Полковник Пестель гнусной клеветник и должен быть самой черной, самой низкой души человек естьли мог сказать что меня удержал от сего богомерзкаго беззакония! — Я с ним познакомился через Сергея Муравьева в 1824-м году в м. белой Церкве и до того времени никогда даже его не видал—Спаси Господи наипорочнейшее твое творение в мире, от подобного¹ впредь греха! — Достопочтеннейший судии Комитета, прошу вас по утверждении Августейшим нашим монархом приговора Полковнику Пестелю за его гнусную клевету, сказать сему грешнику, что я его прощаю, что я его при писании сих строк простили уже. —

Никогда и на мысль мне во всю мою жизнь не приходило, что бы мстить или вредить, за что нибудь и кому бы то не было — Нет человека, который бы мог сделать какое ни есть с самомалейшим основанием, показание противу меня, в каком бы то ни было предосудительном поступке или злом деле, не погрешив сильно противу совести своей — Каким же образом я вдруг мог бы сделаться извергом. В 1823-м году я ни о каком другом тайном обществе в целом свете, не только что в России, никогда не знал и не слыхал, кроме Массонской ложи; — о намерении ввести в России Конституцию, я известился в 1824 году через Сергея и Матвея Муравьевых, с которыми во время нахождения 9 Дивизии на работе в Бобруйске в 1823-м году я еще не был довольно коротко знаком. —

О есть ли бы мне в Бобруйске хотя само малейшее только могло быть известно, о скверном умысле сем, противу моего несравненного Монарха. — Естьли бы я имел хотя самомалейшее подозрение на кого нибудь в участии — мнебыло кому с доверенностию о сем объявить — Я верно бы не поколебался — Я еще не был уловлен в разставленные мне сети — Не только достойному Генералу Дибичу, котораго более всех уважал и любил, но и самому Государю Императору я бы смело тогда все открыл. — (л. 47).

13.

Какия тайныя общества существуют в Польше, в каких местах заведены отделения их, кто принадлежащия к онym члены и какия они имеют цели или намерения, о том я совершенно ничего не знаю и никогда не слыхал —

Хотя я ни намерения ни причин побудивших кого бы то ни было, сделать противу меня ложныя² показания Комитету, отгадать не могу, но притом почтенных моих судей прошу: объявить клеветникам моим, что я им в сем прощаю — Не находясь никогда ни в каком сношении ни с сими ни с другими какими тайными обществами, какия только могут существовать, ни на деле, ни на письме, ни на словах, кроме с Сергеем, Матвеем и Артамоном Муравьевых, полковником Швейковским, Враницким и Пестелем и Подпоручиком Бестужевым-Рюминым, да и то только словесно, без всяких сношений на бумаге и не принимая совершенно никакого участия в злом их умысле, открытие котораго всегда меня мучило, лишило здоровья, не давало мне ни есть, ни пить ни спать, охладевавшая весьма часто привя-

¹ Далее зачеркнуто: «Греха».

² Слово «ложныя» вписано над строкой.

занность и любовь к жене и детям моим, делавшим меня еще чаще того, естьли не безчувственным, то совершенно равнодушным, ко всему тому что меня окружало; даже всякое вспомоществование бедным и несчастным делал большою частию невольным образом машинально — весьма редко с чувством сострадания или для того, что бы помочь — а по сему никаких сведений или объяснений, как о составе, намерениях и действиях сих обществ, так и о сношениях моих с оными, дать не в состоянии. —

14.

Весьма ложное и неосновательное объявление клеветники мои, (которых я и в сем прощаю) сделали Комитету, утверждая что поляки присыпали ко мне Маршала Мошинского для переговоров по Литовскому Корпусу — нет ли кого из членов общества, одного со мною имени? — Я никакого Мошинского никогда не видал и не знал — Вообще с поляками не знаком. И ни кто у меня ни для каких переговоров никогда не || (л. 47 об.) бывал. — В целом Литовском Корпусе не помню что бы имел других знакомых, как Генералов Ушакова (из Финляндской гвардии) и Бартоломея (бывшаго адъютантом при Герцоге Ольденбургском) — Поручений совершенно никогда, ни от кого, ни от членов тайного общества, ни от кого бы то ни было, не получал и предлагаемы мне никогда не были —

15.

О сношениях Польских обществ с Презденским и таковыми же в¹ других² европейских³ Государствах существующими, и с англиею, мне совершенно ничего не известно и я об оных никогда, ни от кого не слыхал.

16.

Не смотря на то, что Подпоручик Бестужев Рюмин уверен был, как равно и трое Муравьевых, Пестель, Швейковский и Враницкий, что я усердно предан их делу, но я ему никогда не давал другаго⁴ позволения отлучаться, кроме как в Васильков к Подполковнику Муравьеву, от куда вероятно ездил тайным образом в другия места, для сношений с членами тайного общества. — О поездках его в Варшаву, Малороссию и другия Губернии, мне совершенно никогда, ничего не было известно, кроме того, что он был в 1824-м году один раз в Каминке, в имении Генерала Раевского или матери его, в доме коей он может быть виделся с отставным Полковником Давыдовым и другими членами общества (что мне совершенно неизвестно) и в 1825-м году у Полковника Пестеля, но оба раза без моего позволения — О первой поездке я известился нечаянно через отношение богуславской почтовой экспедиции, в котором жаловались: что Бестужев загнал почтовую лошадь и требовали за оную деньги — Призвав его, спросил: от кого получил подорожную и как осмелился отлучиться без моего позволения? — Он божился что не имел

¹ Предлог «в» вписан над строкой.

² Далее зачеркнуто: «в».

³ Слово «европейских» вписано над строкой.

⁴ Слово «другаго» вписано над строкой.

подорожную, а получал лошадей за двойные и тройные прогоны — Просил прощения, говорил: виноват, я знал что вы меня не отпустите — делайте что хотите, только ради бога, что бы Корпусной командир о сем не узнал; Я хотел сделать об нем донесение по команде, но по усильной его Бестужева просьбе, объявил ему только домашний арест; более из опасения, что бы Г. Корпусной Командир не сделал мне за его строжайший выговор в приказе по корпусу. — || (л. 48) Я дело кончил тем, что приказал Бестужеву немедленно отправить требуемые 200 рублей за лошадь. — О второй его поездке в 1825-м году к Полковнику Пестелю, Бестужев сам проговорился нечаянно в разговоре со мною — что, вы уже опять без моего позволения ездили — где ваше обещание, ваше честное слово? — с сего времени вы у меня не скоро и в Васильков поедете — Виноват. отвечал он, вы Полковник так строги что я не смею у вас никогда проситься — Простите, виноват вы и для пользы общества не хотите даже того делать, сколько Муравьев вас о сем ни просил — чувствую какое одолжение вы для меня делаете, что позволяете еще к нему ездить — я [у] вас еще никогда не просился и тем хуже, прервал я, тем непростительнее для вас, что вы не проситесь, а так ездите уже в другой раз, а может быть и более — Я вам не откажу, Когда только можно будет вас куда отпустить, но хочу непременно всегда знать, где вы бываете и действительно Бестужев никогда сам у меня не просился, но обыкновенно всегда Муравьев просил позволить Бестужеву приехать к нему в Васильков — Я весьма редко в сем отказывал, дабы Муравьев не мог как нибудь развратить моих офицеров и уговорить их вступить в тайное общество, при своих посещениях Бестужева.

В 1825-м году в Июле месяце, по смене 1-го баталиона Полтавского полка с караула, я получил от Бестужева рапорт, что он заболел в Киеве; но как при сем рапорте не было приложено свидетельства за общим подписанием медицинского и старшаго военного чиновника, о его болезни, то я немедленно отправил к нему предписание через У. О. Лещенко¹, что бы он таковое доставил, естьли действительно болен; а в противном случае, прибыть к полку непременно без замедления, приказав посланному, естьли не найдет его на квартире, то что бы спросил об нем Полковника К. Трубецкого; но У. О. его не нашол и от Князя Трубецкого ничего более не мог узнать, как, что Бестужев должен быть естьли его нет при полку, то в Василькове у Муравьева, к которому сказывал, что хотел ехать. — В сие время у меня полк был собран в М. Кагарлыке для ученья — мы приготовлялись к смотру и имели уже назначение выступить к Лещину — У меня занемогла жена — Я почти ежедневно ездила из Кагарлыка в Ржищев и обратно к полку — Вдруг неожиданно и прежде временно жена моя родила дочь, и получила столь сильную и опасную горячку, что через несколько дней ея болезни, полковые медики отчаивались в ея спасении В сем нещастии я забыл почти совсем о Бестужеве и не сделал никакого представления див. Командиру, что его нет при полку, хотя и намерен был сие сделать и приказал Полковому адъютанту Сумцову мне о сем напомнить, коль скоро получит через летучую почту от находящагося || (л. 48 об.) от Полт. полка на почте Ун. офицера уведомления, что Бестужева нет в Василькове — Скоро полк после сего выступил к Лещину и я оставилсь еще несколько дней у умирающей своей жене, не испросив у начальства на то позволения.

В первой день моего прибытия с полком в Лещин я заехал к Подполковнику Муравьеву и застал у его Подпоручика Бестужева — Сколько

¹ Так в подлиннике.

В показании Д. Грохольского он назван «Лейченко» (см. «Восстание декабристов», т. VI, стр. 307).

я ни был убит Духом, ожидая ежеминутно получить известие о кончине матери моих детей, но в то же время объявил Бестужеву, что он арестован. Он никак не хотел мне признаться, что бы он где находился, кроме того¹ как что все время после своего выздоровления провел в Василькове у Муравьева, в чем и ссылался на его — Я заслуживаю наистройшаго наказания, что не сделал ни о сей отлучке, ни о вышеупомянутых двух поездках донесения по команде; чувствую вину свою, и тем большаго еще заслуживаю наказания, что вся слабость и упущение по службе в сем случае мною сделанныя, могут быть приняты отступлением от того твердаго правила, в котором я сам себе поклялся, что бы и самомалейшим образом не только не вспомоществовать ни в чем тайному обществу, но всячески стараться препятствовать их намерениям, сколько только от моих сил сие зависит. —

О последней отлучке Бестужева Рюмина, когда он после данного ему позволения съездить в Васильков, чтобы там взять свои вещи у Муравьева и получить деньги на почте, и потом непременно в Киеве присоединиться к полку — я еще в Киеве 28-го или 29-го Октября когда он ко мне не явился, хотел сделать представление див. командиру; но как Подполковник Муравьев, которого я застал у Полковника К. Трубецкого, меня просил того не делать, и обещался того же вечера еще за ним послать в Васильков, ручаясь что он Бестужева заставит прибыть или даже и сам привезет, естьли не в Бровары на первом переходе, то непременно на втором переходе в Семиполки — Я ему сказал: смотрите сдержите слово — вы знаете, что я привык свое держать — Он верно опять куда нибудь поехал — Я вас уверяю, что естьли он скоро не явится в полк, что я из первого города об нем отрапортую — Но не смотря на сие, Бестужев все таки не явился — Я прибыл с полком в г. Чернигов 5-го числа и ночью приехали ко мне Сергей и Матвей Муравьевы, просить что бы я не только не делал представления о Бестужеве, но что бы позволил ему еще пробыть у них несколько дней говоря что он не только что болен, но что сверх того его лошади разбили, хотя и не так опасно, что бы || (л. 49) он не в состоянии уже был выдержать поездку — Просили меня долго весьма убедительно, но видя мою непреклонность, наконец Сергей Муравьев вынул из карманной книжки рапорт от Бестужева о его болезни я прочитал рапорт, увидел, что он без свидетельства медицинского и военного чиновника, отдал его Муравьеву, говоря это не годится — этот рапорт даже без числа и в оном не означенено даже место, где Бестужев заболел — Оба Муравьевы снова начали просить и убедительнее еще прежняго — Я стал подозревать что Бестужев верно опять куда нибудь поехал и остался неумолимым Объявил Муравьевым что непременно отправлю рапорт по первой почте, коль скоро прибуду только в Бобруйск — Сергей Муравьев взял опять рапорт Бестужева, и просил меня его принять, говоря вы можете с ним делать, что хотите — бросьте его хотя в огонь, естьли он негодится и естьли вы не хотите верить, что Бестужев действительно болен — Нет, отвечал я ему весьма хладнокровно, я сего не сделаю, но представлю сей рапорт в оригинале — Начальство отыщет вашего друга — Оба Муравьевы на меня очень разсердились особенно Сергей — Когда Матвей немного погодя стал снова просить, что бы я не погубил Бестужева, то Сергей, который между тем ходил по комнате в зад и вперед, взял шапку и сказал брату, нечего делать, поедем — Я их удерживал оставаться, но они не согласились и мы разстались — они поехали в Киев Немного погодя зашел ко мне майор Золотов, я ему все пересказал — Прибыв 20-го числа в Бобруйск я сделал

¹ Слова «того», «что» вписаны над строкой.

донесение див. Командиру о Бестужеве и отправил оное по первой почте. Через несколько дней после сего, Бестужев прибыл к полку, это было в самой тот день рано по утру, когда мы присягали цесаревичу, великому Князю Константину Павловичу — После присяги я Бестужева тот-час арестовал и донес о сем командующему Дивизией. — Спустя после сего 12 или 14 дней (может быть несколько и более) только помню, что за три или четыре дня перед тем, как в Бобруйск прибыл курьер¹ с известием об отречении от престола Государя Императора Константина || (л. 49 об.) Павловича и как мы все присягали Всеавгустейшему Монарху, благоверному Государю Императору Николаю Павловичу, — пришел ко мне по утру довольно рано, но не знаю, в котором часу, Подпоручик Бестужев-Рюмин, скрыми шагами подошел ко мне и в изступлении, с ужасным голосом произнес: Ради Бога спасите меня — Сжальтесь на до мною — Помогите — Не оставьте. Я взглянул на его пристально — Отчаяние изображалось на его лице — Что с вами Бестужев сделалось? — что такое случилось? спросил я его — Вместо ответа вынул он два письма и подал мне их. — Одно было как он мне после сказал, от поверенного в делах его отца; которого имени не упомню, другое от приятеля его отца — Первое письмо содержало известие о кончине его матери и о болезни отца — Второго я не мог прочитать, столь дурно и не разборчиво было оно написано, что сколько я ни старался связывать слова и оныя угадывать, но не мог в сем успеть — Он начал меня снова² просить, что бы я ему помог — Я пожав плечами, сказал: не могу помочь, не могу ничего сделать, кроме как подать какой нибудь слабый Совет — Я и за то буду благодарен — Ради Бога помогите, не оставьте, повторил он — Да скажите что вы хотите? — что вы думаете, что я могу для вас сделать? спросил я его опять. — Мне более ничего не хочется, как получить последнее родительское благословение, исполнить последнюю его волю — Он желает меня еще³ раз видеть, прежде своей кончины — Сие меня тронуло — я призадумался и через несколько минут сказал: я для вас ничего не могу сделать, совершенно ничего, кроме того, что бы посоветовать написать сей час к корпусному командиру письмо, приложить к оному сии два письма и отправить с естафетою — Он вздохнул глубоко, взял меня за руку и весьма сильно пожав ее между⁴ своими руками — сказал: как я вам благодарен! — Он долго молчал, стоя неподвижно у окна — Потом обернувшись ко мне с заплаканными глазами, продолжал; нет я его уже не застану более, не увижу скоро ли дойдет письмо? — Пока получу ответ, пока доеду, его может быть уже не будет! — || (л. 50) Сжальтесь над моим положением — не оставьте меня — Помогите — Да скажите мне, в чем я вам могу еще помочь? — что я могу еще для вас сделать? — О! можете, очень можете много для меня сделать, сказал он, не откажите только в том — Я вам вечно будете⁵ благодарен и во всю мою жизнь не забуду сего одолжения — Даю вам честное слово, что никогда впредь ни о чем не буду более просить! — Скажите прервал я его — В чем⁶ Я очень рад вам помочь, но ничего не придумаю — Он отвечал: я знаю, что вам нужно послать в Киев за жалованьем — Казначей наш болен, вы хотите отправить офицера — Позвольте мне ехать — Я из Киева напишу к Генералу Роту, приложу по вашему совету письма из Москвы и отправлю с естафетою — От Киева

¹ Слово «курьер» вписано над строкой.

² Слово «снова» вписано над строкой.

³ Слово «еще» вписано над строкой.

⁴ Слово «между» вписано над строкой.

⁵ Так в подлиннике.

⁶ Слова «В чем» вписаны над строкой.

до Житомира не далеко — Там я скоро получу ответ Сверх того напишу к Муравьеву — он не откажется съездить для меня к Генералу Роту и попросить его лично, позволить мне съездить в Москву — Генерал верно не откажет — Он войдет в мое нещастное положение и верно сжалится! — Жар с которым он говорил — слезы его — нещастие которым он был сражен — меня тронули — я согласился: написал Рапорт к коменданту, в котором просил о выдаче подорожной до Киева и обратно для Подпоручика Бестужева Рюмина, которого назначил принять жалованье на полк При отправлении его я взял от него честное слово и клятву в том ¹ что он из Киева никуда не поедет, и что если он в течении трех дней не получит там ответа от корпусного командира, то что бы воротился в полк и не поздже бы прибыл в Бобруйск с жалованьем как 24-го Декабря, приготовил в сем случае заранее письмо к Муравьеву, что бы после своего отъезда, сей бы мог его уведомить об ответе Генерала Рота — Бестужев отправился помнится мне в Киев 16-го Декабря, а 20-го мы получили известие о возшествии на престоле Великого Государя Императора Николая Павловича и того же дня вечером в Бобруйске Его Величеству присягали на верность при факелах. — 31-го Декабря вечером в 9-м или 10-м часу прибыл от Г. Корпусного Командира старший его адъютант Докудовский и привез мне предписание арестовать Бестужева ² и опечатать || (л. 50 об.) его бумаги. — Г. Корпусной Командир между прочим в сем предписании упоминал: что для задержания и арестования Бестужева, он отправил по другому тракту жандармского Поручника Ланга, упоминая: что Подполковник Муравьев был у его в Житомире и просил позволить Бестужеву съездить в Москву к больному отцу. — Но его еще не было в Бобруйске — он не воротился из Киева —

Хотя я и предчувствовал что буду иметь большая неприятности через Бестужева, но ничего дурного не подозревал. Находясь в совершенной неизвестности о его намерениях и отпустив его единственno в Киев из одного сострадания и соболезнования о его великом нещастии — Я оставался спокоен — совесть у меня была чиста — я оставался даже спокоен, когда меня арестовали ночью с 4-го на 5-е число Генваря и описывали мои бумаги — я не имел ни в чем другом себя упрекать, кроме того, что не объявил о том, что мне было столь давно известно о намерениях тайного общества.

Не смотря на либеральные идеи Бестужева, я всегда его щитал за пустого и ни мало не опасного для общества офицера — Суждения его мне всегда казались столь странными, что я часто над оными смеялся и принимал за бредни — Он никогда почти не мог выдерживать моего взгляда и мне кажется, что он меня очень боялся; ибо почти всегда, когда я только начинал укорять его за безмысленные его разсуждения, и неосновательность оных ему доказывать, то он обыкновенно молчал, потупя взор вниз — Вижу и ясно что я в нем ошибался и сильно ошибался! — Кто в состоянии проникнуть все изгибы черной души? — Бестужев должен быть изверг, чудовище! — Как забыть так скоро кончину матери и прозьбы умирающего отца? — Гнусное чудовище и тогда, если адская роль, которую он избрал что бы только меня обмануть, ложными письмами из Москвы была его изобретения или выдумана другом его Муравьевым! —

¹ Слова «в том» вписаны над строкой.

² Фамилия «Бестужева» вписана над строкой.

Присовокупить ко всем вышеупомянутым мною показаниям я только могу то, что вспомнил, что во время Лещинского Лагеря, когда мне однажды случилось быть вечером у Полковника Швейковского, то приезжали к нему какая то, два Польских помещика из коих один Князь или Граф, (имена их я забыл) которых как мне Швейковский говорил живут не далеко от Радомысла, где квартирует Алексопольской полк — но которых не должны принадлежать к обществу, ибо говорили, что узнав что у его взяли полк, долгом себе поставили заехать к нему и упоминали в разговоре, ну теперь кончили наш Клуб — || (л. 51).

Я мог ошибиться в некоторых словах, как в своих, так и других лиц, здесь и в откровении моем упомянутых, но не в смысле и содержании оных, относительно дела, да и то только при одних их и моих ответах при разговоре —

Я писал без всякого приготовления, как письма свои к Монарху и к Генералу Дибичу, так и откровение свое и ответные пункты всегда тот час, как скоро только получал бумагу — Я не одарен красноречием изливал просто все, что только память и стесненное сердце, в состоянии были позволить силам — К обманам я не привык и как ею¹, так и всякою ложью и несправедливостию гнушался — и потому смело могу поклясться что да изчезнет¹ правота и честность навсегда с лица Земли! Да не порадует ни одно творение своего небесного творца! есть ли я не объявил все по сущей справедливости — есть ли утаил что нибудь мне известное — есть ли помышлял или помышляю скрыть что нибудь, относительно себя или участия своего и других членов тайного общества — есть ли думал только когда нибудь, словом или делом склонить² кого бы то ни было, к нарушению общественного спокойствия или введения каких перемен в Государстве!

Знаю, что нарушил присягу, по которой клятвенно обещался объявлять все то, что только уведаю о том, что ко вреду Государства, особы Его Императорского Величества и Всеавгустейшей его фамилии, относиться будет. — Знал о вредном умысле — Знал и не объявил — Не объявил и сделался преступником! — Но сделался преступником не из корысти — не из видов каких — Нет. Бог мне в том свидетель, что не редко даже мысль (когда собирался открыть то, что знаю) что буду может быть еще награжден, меня невольным образом столько же устрашала, как и слова, доносчика, обвинителя, предателя — Слабое творение! я упал и упал в страшную пропасть Я должен быть наказан и строго примерно должен быть наказан — чувствую в полной мере, сколько сие заслуживаю — Но нещастная мои дети, с их матерью невинны — невинны и чисты, и должны терзаться при каждом воспоминании обо мне! — Почтенные судии! Напомните себе слабость человеческую! Мудрейший из смертных, были ли всегда равно тверды? — Наидобродетельнейший, чисты ли от всякого греха? — Чья совесть не имеет какого нибудь пятна укоризны? — Кто не падал никогда? — Слабыя смертные! — Един Бог совершен! —

Почтительные, достойные члены Высочайше утвержденного Комитета! будьте строгия, но правдивыя судии, томящегося в темнице преступника!

Василий Карлов сын Тизенгаузен

бывший Командир Полтавского полка —

Генерал адъютант Чернышев || (л. 51 об.)

К предоупреждению или вступлению к вопросным пунктам: с котораго должен был начать:

¹ Так в подлиннике.

² Слово «склонить» написано дважды.

Об известности мне чего нибудь о составе и образовании тайного общества, я не мог и не могу дать Комитету никакого отчета или сведения; но отрицался ли я от чего нибудь мне известного, когда был спрашиваем? — не объявил ли о всех членах, которых знал лично? — не просил ли прочитать мое открытие, отправленное при письме Его Императорскому Величеству.

Из членов тайного общества, Генерал-майора Орлова, Полковника Пестеля, Полковника К. Трубецкого и Капитана Майбороды, подавших Комитету утвердительные показания, о моем с ними сообщенничестве, только один Полковник Пестель со мною говорил о деле тайного общества — Я никогда не знал, что Генерал Орлов член онаго — О Капитане Майбороде мне говорил или Подп. Муравьев или Подпор. Бестужев что Полковник Пестель полагает на его большую надежду Полковник К. Трубецкой мне известен был за члена но со мною никогда не говорил о деле. —

Главнейшие мои обвинители могут быть, хотя я никогда и не участвовал в злом их намерении: Подполковник Муравьев и брат его Матвей, Полковник Артамон Муравьев, Полковник Швейковский, Полковник Вранцкой, Подпоручик Бестужев-Рюмин и Полковник Пестель — Но есть ли все сии обвинители будут откровенны, то не смотря на все мои возражения в разных случаях противу их совещаний и намерений в Лещине им сделанных, за которые столь часто на меня негодовали и от чего у их родилась, как мне по крайней мере, то казалось ко мне недоверчивость, кроме Полковника Вранцкого, который всегда оказывал неудовольствие к насильственным мерам то все их показания, должны оправдать справедливость моих объяснений¹

Генерал Орлов¹

1825-го года, июня 2-го дня, когда 1-й бат. Полтавского полка, сменился с караула в Киеве, обедал Генерал Орлов, Сергей Муравьев, Матвей Муравьев и Бестужев вместе со мною у Князя Трубецкого — Разговор зашел об общем мнении — Трубецкой во все время молчал — и я не вмешивался в спор, который начался вдруг довольно горячо у Муравьевых и Бестужева с Орловым || (л. 52) Я удивлялся сколько неожиданному (ибо думал что он большой Либералист) столько и умному противоречию Г. Орлова и что бы по возможности проникнуть его и узнать, действительно ли он так думает, как говорит, смотрел на его весьма пристально, не спуская почти глаз с него, и потом сказал: нет Генерал, вы шутите — признайтесь вы хотите только над нами посмеяться и повторил сии слова опять через несколько минут, смотря ему все пристально в лицо; прибавив только, нет Генерал, теперь я вижу что — вы действительно шутите — и не вступал уже в разговор — После обеда, когда ни кого из слуг уже не было в гостиной, зашел снова разговор а потом и горячий спор у Муравьева с Орловым. Никто из нас в оной не вмешивался — Муравьев наконец начал говорить с весьма большим жаром и даже с сердцем — я подошел к дверям балкона у которых они сидели и где стоял Бестужев с Матвеем Муравьевым, что бы узнать от чего Муравьев говорил с таким негодованием, постоял несколько минут и слышал что Орлов доказывал Муравьеву сколь непростительно мечтать о возможности ввести в России Конституцию — Я душевно радовался чистоте разсуждений Орлова, но что бы испытать еще раз настоящия его чувства я спросил его, не спуская с его глаз своих; И вы действительно Генерал в этом уверены. — Что вы скажите тогда, естьли мы ее однажды иметь будем? — Генерал Орлов,

¹ Так в подлиннике.

вместо ответа хотя язвительно, но с благородством взглянул на меня, улыбнулся и продолжал свой разговор с Муравьевым — Он мне показался чист и я в молчании удалился —

Сия колкая улыбка, в первой раз может быть, с тех пор, как стоит свет, вместо того что бы обидеть, доставила удовольствие человеку — Я могу ошибаться — но Орлов должен быть чист и не может принадлежать к злому общству Я возымел с тех пор большое к нему уважение — Желал бы знать, каким образом он мог сделаться моим обвинителем

Василий Карлов, сын Тизенгаузен¹
Генерал адъютант Чернышев || (л. 53)

№ 14 (12)²

Всеавгустейший Монарх!

Окажите Ваше Императорское Величество величайшее милосердие! Явите божескую милость! Воскресите семейство мое, великодушнейшим помилованием, меня грешного! Всеышний творец услышит молитвы наши, о благоденствии Вашем и Всеавгустейшего дома Вашего; сниспошлет Вам радость и щастие в народах, святым промыслом отеческому попечению Вашему вверенных! — Не о прощении своем умоляю Вас Всемилостивейший Государь! Нет! я чувствую что онаго не достоин; — накажите меня строго, как того заслуживаю; но помилуйте! не лишите меня детей моих! Ощасливьте Ваше Императорское Величество, злополучнейшаго || (л. 53 об.) отца, виновника всех бедствий своего собственного семейства, величайшою из всех милостей! Родительское сердце, вместо того чтобы восхищаться, теперь обливается кровию, при каждом воспоминании о жене и детях своих! Ах, помилуйте Всеавгустейший Монарх! помилуйте, возвратите младенцам моим отца! На коленях слезно умоляю Ваше Императорское Величество сжальтесь над бедствием моим! — Клянусь всемогущим богом, что сердце мое чисто от всякаго соучастия в зловредных замыслах! Накажите меня великий Государь за мое безразсудное, преступное заблуждение, за которое угрызения совести до гроба должны тяготить душу мою! — Сделайте меня последним рабом своим, но оставьте мне семейство мое! || (л. 54) Ваше Императорское Величество соделайте меня усерднейшим и правдивейшим верноподанным своим! — Мне должно будет заслужить трех детей, жену и великодушное помилование Всемилостивейшаго Государя своего, творящаго меня снова отцом семейства; — возвращающаго мне все мое земное блаженство!

Всеавгустейший Монарх!
Вашего Императорского Величества
верноподданнейший раб,

Василий Карлов
сын Тизенгаузен³. || (л. 55)

¹ Показание написано В. К. Тизенгаузеном собственноручно.

² В верху листа пометы: чернилами — «22 февраля» и карандашом — «Прочел письмо».

³ Письмо Николаю I написано В. К. Тизенгаузеном собственноручно.

№ 15 (13)¹

Милостивейший Государь,
барон Иван Иванович!

Удостойте Ваше Превосходительство, прочитать с синхордительным терпением сие письмо с приложениями; в которых заключается моя последняя надежда, к получению облегчения в злополучной судьбе своей! — Не о прощении умоляю я всемилостивейшаго Государя нашего и вас. — Нет, я чувствую что онаго не заслуживаю — я должен быть строго наказан! — Но не лишите меня милых детей моих! — Ради Бога оставьте нещастнейшему отцу, принесшему чистосердчнейшее раскаяние в преступном безразсудном заблуждении своем, при терзаниях совести, в утешение семейство его! — Сжалътесь над бедствием моим! — Услышьте моление мое! —

Уверен будучи что сколь ни прискорбно чадолюбивому сердцу Всеавгустейшаго Монарха нашего, быть в необходимости подписывать страшныя приговоры наказания за преступления некоторым беззакониями и потерянным детям, многочисленнейшаго семейства своего — столь же и приятно-сострадательному великому отцу нашему, коего попечительности мы все-вышним промыслом вверены, оказывать при чистосердечном их раскаянии, синхордительное великудшие для облегчения их участи, тем заблужденным сынам своим, которые увлечены в преступное погрешение по слабости, по неразсудительности, почти невольным образом, — осмеливаюсь по сему утруждать Ваше Превосходительство всепокорнейшею убедительнейшею прозьюбою, естьли только сие непротивно Высочайшей воле Его Императорскаго Величества, не отказать мне в милости, в удостоверение принесенной мною клятвы, что я не учавствовал в злых намерениях тайного общества и что хотел привести в исполнение открытие зловредных их замыслов, спросить:

1) Не только жену мою, но и всех домашних моих о неизвестном и непонятном для их беспокойстве моем, которым я терзался в течении 1824-го и 1825-го года, чрез то, что не мог привести в исполнение решительно, открытие о известном мне зле. — Они могут свидетельствовать и потвердить то, что я не только во все сие время, мало принимал пищи, мало спал, избегал всякаго общества, обходился со всеми весьма сухо и холодно || (л. 55 об.) старался всегда быть один, уходил безпрестанно из дома без всякой цели на несколько часов, возвращаясь запирался один в комнате, что бы не иметь свидетелей проливаемых слез, оказывал то чрезвычайную холодность к жене и детям при их ласках, то безмерную нежность и любовь — Весьма часто ², жена моя не постигая моих странностей, но замечая удручавшую меня грусть, тоску и беспокойство, и что я ее и детей своих убегал, когда из нежнаго соучастия, с состраданием, со слезами на глазах меня спрашивала: ты болен? — что с тобою сделалось? — то я часто ничего не отвечая, отворачивался, и тотчас или уходил из дома или запирался в своей комнате — Весьма не редко, когда видела меня несколько спокойнее, сидящаго в задумчивости, то просила: Я вижу что ты болен, скажи что у тебя болит? не послать ли за лекарем? или естьли того не хочешь, скажи о чем ты так печалишься? что у тебя на сердце? — но я большею частию, вместо ответа, только целовал у ней руку и потом оную прикладывал по переменно то к голове, то к сердцу, прибавляя не много погодя, когда показывалась на глазах ея первая слеза соучастия, ето ничего мой друг, ето скоро пройдет,

¹ Письмо адресовано генерал-адъютанту Дибичу.

² Далее зачеркнуто слово «когда».

ты знаешь что я етому часто с некоторого времени подвержен, тут ни лекарь ни лекарство его не поможет и обращался обыкновенно для успокоения ея занимать и ласкать детей. —

Ах бедный малютки! ах милой ангел мой! — увижу ли я вас еще?

Клятвенно не откажется потвердить правдивая подруга моя Справедливость сего показания о терзавшем меня мучении, что не мог по желанию своему решиться привести в исполнение об открытии известного мне зла, как равно и ту общую радость нашу, какую мы всегда ощущали, когда Подполковник Муравьев после посещений своих оставлял наш дом. — Она всегда большое имела к нему отвращение и никак оного даже перед ним не могла скрывать; как будто бы знала, что в нем кроется нещастие наше. —

О благодетель мой! естьли бы вы знали какия мучения я перенес в последние два года, то вы бы верно не отказались просить нашего всеавгустейшаго монарха о моем помиловании! — Сердце обмирает, слезы отнимают дыхание, при каждом воспоминании о семействе моем

Милосердный Государь! Створи божескую милость! Дай мне новую жизнь! сделай меня опять отцем! Подари мне жену и детей!

Ах помогите сострадательный муж! Сжальтесь! не лишите помощи Спасите безотрадного отца! — Кроме Бога, Государя и вас я никого просить не могу и не смею — Меня никто здесь не знает — ах, не оставьте меня нещастного! Сжальтесь над женою и детьми моими! || (л. 56).

2) Спросить Подполковника Муравьева и Подпоручика Бестужева Рюмина, читали ли они письмо мое к Вашему Превосходительству, которое я уничтожил (писанное вскоре после того, как получил ответ на первое, в котором просил вашего ходатайства, о переводе меня из 3-го пехотного корпуса) в котором убедительнейше вторично просил что естьли по монаршей милости нельзя меня пристроить к другому месту или назначить состоять по армии, то испросить для меня у Его Императорского Величества всемилостивейшее увольнение от службы; при чем удостоверял Ваше Превосходительство, что имею самую необходимейшую надобность объясниться с Вами лично. — Подполковник Муравьев при брате своем и помнится, при Подпоручике Бестужеве Рюмине на колениях усилинейшим образом просил меня неоступно оставить намерение мое и не искать ни состоять по армии ни о увольнении от службы¹ — Я сколько ни отговаривался, что мне никак нельзя оставаться служить, но наконец принужденным нашелся согласиться на его просьбу, дабы удалить только его подозрение, что намерен открыть замыслы тайного общества.

3) Спросить гг. офицеров Полтавского полка, что не говорил ли я им, когда они у меня были собраны в первых числах Декабря месяца, что я только до весны с ними прослужу — что после смены полка с караула в бобруйске, я поеду в С. Петербург и возвращусь только чтобы сдать полк и с ними проститься. — Штаб-офицерам адъютанту, квартирмейстеру и казначею, я неоднократно о сем говорил и прежде, как в Лещине, так и в Ржищеве.

В Лещине я твердо решился открыть непременно замыслы тайного общества Генералу Роту, но как весьма опасался что по вспыльчивому характеру сего Генерала трудно будет вдруг арестовать много офицеров в Лагере без того, что бы войска не взбунтовались (коих Подполковник Муравьев предлагал непременно возмутить в то время как у Полковника Швейковского отняли полк и когда я приглашен был на обед к Полковнику Артамону Муравьеву, у которого производилось сие злое совещание, как я о том имел

¹ Так в подлиннике.

щастие уже довести до сведения Его Императорского Величества и объяснить высочайше учрежденному Комитету) то я по безразсудности для осторожности, так как заговорщиков мне удалось уговорить отложить исполнение злого дела до 1826-го года, и хотел объявить для верности лучше о сем Вашему Превосходительству лично в С. Петербурге, и посему из Лещина писал к сестре в Нарву, что зимою непременно к ней заеду. — || (л. 56 об.)

4) Жена моя может подтвердить, что я по возвращении из Лещина в Ржищев, упросил ее, не смотря на то, что она страдала от трудной болезни, позволить мне на короткое время съездить зимою в С. Петербург; но к несчастью я был откомандирован с полком в бобруйск.

5) Спросить Полковников: Князя Трубецкого, Швейковского, Артамона Муравьева, Подполковника Муравьева и Подпоручика Бестужева Рюмина не известно ли им кто ко мне писал фальшивое письмо, от имени оставленного в Ржищеве при полковых тягостях Подпоручика Ларина, что жена моя умирает и желает проститься со мною перед своею кончиною, прося, что бы я как можно поспешил приехать: и кто прислал через час после того полученную мною предостерегательную записку без подпису. Когда лошади уже были в коляску запряжены, что бы я не верил, что моя жена умирает что бы я отнюдь не ехал в Ржищев; ибо неизбежная погибель в сем случае меня ожидает дорогою.

Я не мог никак истолковать себе, сего странного, непонятного для меня случая — Поверили неизвестному и поехал за полком — На другой день я о сем рассказывал Князю Трубецкому, когда он проезжал через станцию Бровары, где Полтавской полк имел дневку — Я также писал о сем произшествии к жене своей, у которой верно хранится сие письмо; но из офицеров своих, сколько помню, никому ничего о сем не сообщал. —

Все мое подозрение о сем случае, теперь состоит в том, что я в Лещине и прежде того в Ржищеве, терзаясь безпрестанно приведением в исполнение открыть ненавистную тайну, весьма часто писал к Вашему Превосходительству а иногда и к брату Богдану прося¹ что бы меня непременно истребовали в С. Петербург, для личного объяснения, об нетерпящем отлагательства деле; но всегда уничтожал письма свои, сколько из боязни препоручить почте то, что весьма легко может быть распечатано и прочтено другими, столько и от нерешимости я от безразсудного, неуместного сожаления — Сколько я ни был осторожен с сими бумагами, предавая их огню и запирая оныя, когда кто ко мне заходил в то время как их писал, но не смотря на сие, или нечаянной случай, допустил кого нибудь заглянуть в одно из сих писем, или противоречия мои и уговаривания отложить исполнение злых замыслов до 1826-го года, подали столь сильное подозрение заговорщикам опасаться меня, что вздумали меня убить; естьли только сие дело до кого ни есть из них относится может. —

О для чего не погиб я при сем случае, когда всем уверениям моим всем ужаснейшим клятвам моим, не хотят верить, что я не имею никакого участия в злых замыслах тайного общества! — Какой отец, какой изверг, какое чудовище в состоянии воззвывать о страшном небесном гневе, о вечном проклятии своих детей и своего потомства, естьли бы он не совершенно был чист? — Я всю свою вину и все то, что мне только было известно об зле, объявил — Последствия безразсудной моей молчаливости, должны до гроба тяготить совесть мою — Я приношу чистосердчнейшее раскаяние в пагубном, невольном грехе своем. — || (л. 57)

¹ Слово «прося» вписано над строкой.

Ваше Превосходительство знаете меня около двадцати лет — Известы ли вам обо мне хотя один предосудительной поступок? То, что свидетельствует вся моя жизнь, в том поручиться могут за меня все те, которых меня хотя несколько знают, — в особенности чистейшая и правдивейшая душа в свете, — жена моя: что я не способен ко злу. — Бог ниспоспал мне величайшее блаженство сего мира, какое только смертный себе пожелать может, даровав мне добрею кроткую сопутницу для сей жизни и сделав меня отцом трех милых здоровых детей, как для радости и утешения, так и для надежной подпоры в дряхлой старости! — Человек который все имел для своего благополучия; который наслаждался величайшим счастием мирного семейственного жития; который умел ценить оное; мог ли помышлять о зле? — Сжальтесь великодушный благодетель! над невинно страждающею мою женой! — Возымейте сострадание над несчастнейшим отцом, ради трех младенцев и их матери! Возвратите мне мое семейство! — На коленях умоляю вас, явите отеческую милость! доставьте мне случай пасть к стопам Всемилостивейшаго Государя нашего, что бы испросить себе помилования и пощады, воскресить целое семейство, дарованiem мне жены и детей моих! — Достопочтеннейший муж! Я вам без того обязан всем прежним щастием своим! — доверьтесь оно! Я кроме вас никого не имею — Кроме Государя и вас, никого просить не могу и не смею — Не оставьте меня! Будьте мне более нежели вторым отцем! Помогите мне получить мое семейство В железах на руках и на ногах, я буду благославлять милосердие Всеавгустейшаго Монарха нашего, и без ропота, с терпением усердно трудиться в поте лица своего, при само труднейшей работе, какую только на меня возложат, лишь бы только мне возвратили хотя одного из моих сыновей — О мой Михаил! о мой Александр! — О любезные, милы дети мои! Увижу ли я вас? — Сжальтесь несравненной муж! — Помогите мне сделаться опять отцем потерянного семейства моего! — Бог воздаст вам и в сей и в будущей жизни, за сострадание и благодеяние ваше! —

С глубочайшим высокопочитанием честь имею
пребыть Милостивейший Государь!

Вашего Превосходительства Покорнейший слуга

Василий Тизенгаузен — || (л. 57 об.)

Извините Ваше Превосходительство что я вас так часто утружаю прозъбами! — Свойственное вам добродушие, простит сие нещастному отцу! — Мне теперь ни просить, ни писать, более не о чем — Да исполнится воля всевышняго на до мною! — Подкрепите только веру мою к всевышнему творцу, естьли милосердие его сохранило дни жены моей, уведомлением хотя в двух словах о семействе моем — Твои дети здоровы — Твоя жена жива. —

Тroe суток писал я письмо сие — Три дня и три ночи стесненное сердце и слезы при каждом воспоминании о жене и детях, когда принимался продолжать оное, не позволяло кончить его — Отдохнувши немного после истощившей меня слабости, Бог даровал мне столько сил и столько крепости душе моей, что позволил мне даже и к жене написать наконец несколько слов.

Естьли по разстроенному разсудку, которой у меня еще остался, я написал ей что нибудь непозволительного или не должного, то потрудитесь Ваше Превосходительство, таковое вычеркнуть. — Через письмо мое, жена удостоверится по крайней мере, что я жив — И сие верно ее несколько успокоит. —

Сделайте милость мой благодетель, не откажитесь принять на себя труд, что бы разспросить заговорщиков о Киевском со мною произшествии и написать к жене моей, что бы она уведомила вас, что я ей об оном сообщил, в случае, что она письмо мое о сем деле утеряла или уничтожила. Естьли я буду столь щастлив, что виновныя по сему делу откроются и признаются в намерениях своих, то сие может облегчить участъ целаго семейства. — В то время когда я проходил с полком через Киев, находились в городе Князь Трубецкой, Швейковский и Сергей Муравьев.

Ради Бога, облегчите хотя несколько мою участъ! — Удостойте посетить мою темницу!¹ — || (л. 58)

№ 16 (14)²

1826 года Марта 22-го дня в присудствии Высочайше Учрежденного Комитета Полковник Тизенгаузен спрашиван в дополнение прежних его показаний.

В начальных ответах вы сделали отрицание, что о тайном обществе и намерениях его не имеете ни какого понятия; а потом, когда во вторичных вопросах поставлены были в виду вашем показания 3-х членов, свидетельствующих об участии вашем в означенном обществе, вы сознались, что принадлежали к оному, но недовольно искренно объяснили все те обстоятельства, кои должны быть вам совершенно известны.

Комитет имея достоверныя показания многих лиц, доказывающия, что в деле тайного общества вы принимали участия и знали оное более, нежели объявили в своих ответах, по справедливости должен был употребить действие изысканных улик; но прежде нежели к оным прибегнуть в последний раз требует от вас откровенного и положительного показания о том: || (л. 58 об.)

1.

В совещаниях, происходивших между Пестелем, Юшневским, Давыдовым, Кн. Волконским, Сергеем Муравьевым и Бестужевым-Рюминым в 1823 году на контрактах в Киеве и потом в Деревне Давыдова Каменке решительно предположено было а) ввести в Государстве республиканское Правление посредством революции или вооруженною силою и в) Посягнуть против блаженной памяти Государя Императора и всех священных особ Августейшей Императорской фамилии с того времяни, преступная цель сия соделалась господствующею в обществе и для всех членов равно известною. Но вы в ответах своих о сем предмете говорите не определительно.

Поясните: от кого имянно слышали вы о сих совещаниях означенных лиц, и по чьему предложению была принята сия преступная цель?

¹ Письмо написано В. К. Тизенгаузеном собственноручно.

² В верху листа помета чернилами: «Читано — 2-го Апреля».

2.

Южное общество в исполнении намерений своих полагалось, между прочим, на содействие Полтавского Полка, коим вы командовали || (л. 59).

Объясните: по каким удостоверениям с вашей стороны общество имело сию надежду и какия сверх того войска и почему считались готовыми к подобному содействию?

3.

В 1824 году предполагалось покуситься на жизнь блаженной памяти Государя Императора во время смотра 3-го Корпуса при белой Церкви, посредством членов переодетых и поставленных в Каравул к тому павильону, в котором Его Величество должен был иметь свое пребывание. Заговорщики ночью ворвавшись в комнату Государя нанесли бы удар и в одно время арестовали Генералов Толя и Рота, а с утреннею зарею Швейковской, Сергей Муравьев и вы возмутив лагерь двинулись бы к Киеву а от туда в Москву. Между тем Сергей Муравьев отправился бы в Петербург для совокупного действия с Северным обществом, а Бестужев-Рюмин назначался принять начальство над Черниговским Полком. || (л. 59 об.)

Совещания о сем плане происходили начально у Пестеля с Бестужевым в Линцах, но потом у Давыдова в Каменке и в Деревне у Бородиной и наконец в лагере между Швейковским, Сергеем Муравьевым и Бестужевым.

4.

На контрактах 1825 года в Киеве Полковник Швейковский участвовал в переговорах Южных членов с поляками, и имел поручение быть в сношениях с Графом Мошинским по Литовскому Корпусу.

Поясните: что вы слышали от Швейковского по сему предмету.

5.

В 4-м пункте ответов вы объясняете только одно совещание, произошедшее в лагере при Лещине в Квартире Артамона Муравьева, где о начатии действий предлагал Сергей Муравьев Апостол; но из показаний как его, так Артамона Муравьева и Бестужева-Рюмина известно, что в означенном лагере было три совещания, первое и третье || (л. 60) у Швейковского, а второе у Артамона Муравьева, и что вы при всех оных присудствовали.

По показаниям помянутых лиц совещания сии происходили таким образом:

а) Когда у Полковника Швейковского отнят был полк, то Сергей и Артамон Муравьевы, Враницкий, Бестужев-Рюмин и вы собравшись к нему, разсуждали о начатии возмутительных действий. Здесь Сергей Муравьев сделал то предложение, которое вы объясняете а Артамон вызвался на покушение против Государя и здесь то решено было произвестить оное в Таганроге. Но на другой день Швейковской уговорил прочих членов отложить сие до 1826 года; а вы тогда же приходили к Бестужеву-Рюмину и доказывали, что рано еще начинать предполагаемые действия общества.

b) Потом, те же члены собрались у Артамона Муравьева, где он повторял вызов свой покуситься против || (л. 60 об.) Государя в Таганроге, но былдержан потому, что мог быть полезнее употреблен с Ахтырским Полком. Тут Бестужев объявил, о существовании Славянского общества и после разсуждения о возможности послать из них нескольких членов в Таганрог, поручено было Бестужеву снести предварительно с Славянским, и затем решено, отложить действия до ожидаемого в 1826 году соединения и смотря Корпусов и

c) Наконец означенныя лица будучи опять у Швейковского разсуждали на счет покушения в Таганроге по поводу того, что Бестужев подал отчет о согласии Славянского общества и о выбравшихся из онаго 15-ти людях; но после многих суждений положили не-пременно начать возмущение в 1826 году и ни под каким видом уже не откладывать, в чем все присудствовавшие поклялись между собою.

При сих совещаниях в особенности говорили:

1) Вы, между прочим, : «Господа! для предприятия нашего потребны деньги, || (л. 61) ибо худо доставать походом продовольствие насильственным образом. пусть члены сделают складку. Я же для такого благого дела, каково освобождение отечества пожертвую все что имею, если бы дошло и до продажи платья жены». Сии слова ваши сделали сугубое впечатление на прочих.

2) Артамон Муравьев, (обратившись к Швейковскому) что ждать будущаго смотря Корпусов в 1826 году и откладывать посылку 15 человек в Таганрог опасно, ибо Государь, узнав о духе Корпусов на смотр не приедет, а потому и возобновлял вызов свой идти в Таганрог.

Здесь объясните чистосердечно: точно ли все сие так происходило и какое принимали вы в том участие? присовокупив, во всех ли трех совещаниях находился Полковник Враницкий и разделял ли мнения прочих с одинаковою готовностию к исполнению.

6.

В продолжении Лагеря 1825 при || (л. 61 об.) при Лещине Бестужев-Рюмин представлял Сергею Муравьеву (в его палатке) в присудствии вашем и Полковников: Артамона Муравьева, Швейковской¹ и Враницкаго, нескольких членов присоединенного к Южному, Славянского общества, которым вы и прочие присудствовавшие подтверждали все то, что Бестужев внушал о намерениях, сile и связях Южного общества уверяя, что действия его скоро начнутся.

О сем показывают: Майор Спиридов, Подпоручики: Горбачевский, Борисов, Андреевич, Бечасный, и Веденягин.

Поясните: что именно внушено было означенным членам Славянского общества Сергеем Муравьевым и прочими у него бывшими Южными сочленами вашими? || (л. 62).

7.

По показаниям: Горбачевского, Борисова, Бечаснаго² и проч. Полковники: Швейковский и Враницкий в бытность у Сергея Муравьева разговаривали между собою о смерти Генерала Лисаневича в Грузии, и когда Швей-

¹ Фамилия «Швейковской» вписана над зачеркнутой фамилией: «Тизенгаузена».

ковский сказал, что черкесы, лишившие его Лисаневича жизни, суть разбойники, то Браницкий улыбнувшись отвечал: «*вот прекрасно!* называют разбойниками защитников вольности тех, кои сражаются за свою свободу.»

Объясните: так ли сие происходило?

8.

Полковник Артамон и Подполковник Сергей Муравьевы показывают, что вы позволяли Бестужеву-Рюмину отлучаться от полку для разъездов по делу общества, в вследствие убеждений со стороны их Муравьевых и Полковника Швейковского. || (л. 62 об.)

Поясните: справедливо ли сие показание Муравьевых?

В заключение присовокупите с полною искренностию все то, что вам известно на счет действий Тайного общества и членов его сверх сделанных вам вопросов, ибо при изысканных уже доводах, всякое уклонение от истины может только усугубить вину вашу.

Генерал Адъютант Чернышев. || (л. 63)

№ 17 (15)

В дополнение прежних моих показаний, сделанных Высочайше учрежденному Комитету, честь имею донести

1.

О совещаниях произошедших в 1823-м году, на контрактах в Киеве и потом в деревне Давыдова, Каменке, между Пестелем, Юшневским, Давыдовым, Князем Волхонским, Сергеем Муравьевым и Бестужевым-Рюминым, по которым было решительно предположено: а) ввести в Государстве республиканское правление, посредством революции или вооруженою силою, и в) Посягнуть против блаженной памяти Государя Императора и всех священных особ Августейшей Императорской фамилии, с како-ваго времени преступная цель сия сделалась Господствующею в тайном обществе и для всех членов равно известною; я совершенно никогда, ни от кого не слышал; но в 1824-м году Когда приехали ко мне в м. Ржищев, Сергей и Матвей Муравьевы, что бы пригласить меня вступить в зловредное общество, то говорили мне: что знатейшия люди в С. Петербурге и в Москве решились что естьли им не удастся склонить просьбами Государя Императора, к тому, что бы Его Величество согласился дать Российскому народу Конституцию, то что бы Монарха и всех священных особ Августейшей Императорской фамилии задержать посредством Гвардейских полков, но что бы предположено было лишить жизни тогда Его Величества, о том ничего не упоминали до 1825-го года.

2.

По чему южное общество в исполнении своих намерений полагалось¹ на содействие Полтавского пехотного полка под мою командою, о том совершенно ничего не известно и я ничего утвердительного о сем объявить

¹ Слово «полагалось» вписано над строкой.

1.

Съсобственными пришодившиими въ 1825го году, на
известияхъ изъ Киева и ознамъ изъ деревни Давыдова,
Каменецъ, между Плещеевъ, Киселевскъ, Давыдовскъ,
Колчанско Волхонскскъ, Сирбскъ Мурзинъ и Сему-
фельскъ Романовскъ, то изъ которыхъ были революционны пред-
положены: а) въ часовъ въ Государствѣ революционное про-
цесси, предсъдованіе губернаторъ ини възгражденіемъ сего, и
б) посвягутъ престолъ императорскому начальнику Государя Им-
ператора и въесь имперіи особы Августейшемъ
императорскому фамилии, въ чистое времіе предупре-
дить и въ сихъ сихъ Государственныхъ отъзвѣніи
объяснить и дѣлъ въѣхъ крестьянъ рабовъ изъѣстного; въ совер-
шенно чисто, и не сего не съвѣтъ; во 35 1824го году
когда изъѣждали Петровъ въ м. Ржевъ, Сергиѣ и Маркѣ
Мурзинъ, что эти изъѣждали чистъ всѣмъ въ 35 1824
года обѣщество, то говорили чистъ: что даютъ имъ
подъ въ С. Покровѣ и въ Модѣжь рѣчи чистъ съвѣтъ
и въ чистѣ альянсъ изъѣжданіи Государя Импера-
тора, и въ томъ, что Его Величество со счастіемъ Государю
Россійскому изъѣду Константино, то что Его Император
и въѣхъ имперіи особы Августейшемъ император-
ской фамилии задерграютъ предсъдованіе Государства
предѣль, то что это предположено было съмѣнѣе фундамента
Его Величества, о чисто чисто не упоминали до 1825го года

2.

По чисту изъѣже обѣщество въ исполненіи своихъ
чистъ речи (на подѣлѣ ^{показаний} на съдѣствіе Краснавѣтскаго изѣѣтнаго полка)
подъ чисто чисто, о чисто чистъ совершило чисто не чѣ-
вѣстъ и въ чисто чистъ изѣѣтнаго съ съмѣнѣемъ чисто
С. Покрова и въ, подѣлѣ Дѣлъ чистъ исполнитель, что они чисты
и Государю Ему чистъ изѣѣтнаго черезъ Белорусса Рогнѣда

не могу. Сия надежда их, тем для меня непонятнее, что они могли и должны были быть известны через Бестужева-Рюмина || (л. 63 об.) что я ни офицеров, ни Солдат никогда не уговаривал и не приготвлял к исполнению намерений общества и что строгостью моей по службе, не так то мною были довольны в полку. Сверх того, я не только никому из членов не делал никаких уверений вспомоществовать обществу, но при неоднократных предложениях деланных мне в разное время Сергеем Муравьевым, что бы приготвлять как можно офицеров и Солдат Полтавского полка для злорадных замыслов общества, делал ему всегда возражения и доказывал сколько только мог, что сколь опасно, трудно и почти невозможно привести в исполнение введение Конституции для российского народа; но он всегда оканчивал сильнейшими уверениями, что я напрасно сомневаюсь в том, что сие так трудно и что бы все состояния без изключения не приняли Конституцию с большою охотою и радостию. — Я полагаю, что уверения о содействии моем с полком в пользу тайного общества, делали (относясь самым похвальным образом о бо мне образом, с разными вымышленными прибавлениями) Сергей Муравьев и Бестужев; а может быть и Швейковский, который со мною очень хорошо был знаком более 15 лет, а по сему и лучше и основательнее их знал как характер мой, так и разные весьма достопамятные подробности службы и жизни моей. — О войсках готовых содействовать исполнению намерений тайного общества я ничего другого объявить не могу, кроме того, что слышал от Сергея Муравьева, что Гвардейские полки все приготовлены для сего; что он отвечает не только за свой батальон но и за весь Черниговский полк, и что он может поручиться за Швейковского и Александровской полк, что на меня с Полтавским полком совершенно полагается, что впрочем Набоков никак от Швейковского не отстанет, присовокупляя: да Кременчукской полк и нашу Егерскую бригаду не трудно будет уговорить или даже заставить пристать к нам. — Стоит только начать говорил он весьма часто, и увидите что в самое короткое время не только вся армия но и весь народ встанет — Что заставило Сергея Муравьева быть столь уверену в своих мнениях и почему он щитал войска готовыми к содействию в исполнении намерений общества, о том я никакого объяснения дать не могу и о подобных уверениях ни от кого из членов, кроме Бестужева, совершенно ничего не слышал. — || (л. 64).

3.

Хотя я нечаянно и известился, что Бестужев был без моего позволения, один раз в Каменке, и один раз у Пестеля (как о сем пояснил в прежних ответных пунктах) но о совещаниях происходивших в 1824-м году начально у Пестеля с Бестужевым в Линцах, потом у Давыдова в Каменке и в деревни у Бороздиной и наконец в Лагере между Швейковским, Сергеем Муравьевым и Бестужевым, о том мне никто из членов ничего не говорил в 1824-м году, но в 1825-м году не помню только при каком случае Сергей Муравьев и Бестужев говорили мне: что Пестель сообщил им предложение принятное членами второй армии, что бы при первом смотре, какой только Государем будет назначен 2-ой армии или 3-му пехотному Корпусу, в случае нужды, не останавливаться не только на том, что бы задержать Монарха, но и лишить жизни Его Величество, и при сем случае оба мне предлагали следующее свое распоряжение, естьли Государь будет смотреть 3-ий корпус: то ¹ что бы

¹ Слово «то» вписано над строкой.

ночью назначенным из 2-ой армии и в Петербурге некоторым решительным и сильным собою членам из общества которых для сего приедут¹ ворваться в Комнату Государя, задержать Его Величество а в случае неожиданного какого произшествия в Лагере, естьли войска неудастся возмутить, даже нанести удар и в тоже время арестовать не только Генералов Толя и Рота, но и всех тех Генералов которых только приедут на смотр и не принадлежат к обществу; а между тем что бы ночью же еще или утром разослать во все полки по одному Екземпляру Прокламации к войску и по одному экземпляру Конституции и потом что всей 9 дивизии или даже и целому Корпусу двинуться к Кневу и овладеть там Крепостию о намерении же Сергея Муравьева что бы ему тогда же отправиться в С. Петербург для совокупного действия с Северным обществом и о назначении принять Бестужеву начальство над Черниговским полком, я ничего не слышал; но Сергей Муравьев говорил еще: что естьли предприятие удастся, то нужно немедленно послать || (л. 64 об.) будет Курьеров во вторую армию, в С. Петербург и Москву что бы известить о случившемся и вместе с тем, разослать во все места Государства экземпляры о Конституции и прокламации к войску и народу. — С. Муравьев и Бестужев мне объявили: что обо всем сем извещены уже Швейковский, Враницкий и все члены во второй армии и в С. Петербурге. —

4.

О участии Полковника Швейковского в 1825-м году во время контрактов, при переговорах происходивших между южными членами и Поляками и о поручении данном ему, что бы быть в сношениях с Графом Мошинским по Литовскому корпусу, я ничего совершенно ни от Швейковского, ни от других членов тайного общества, не слышал. —

5.

В прежних ответных пунктах я упомянул только об одном совещании бывшем при Лещине в квартире Артамона Муравьева не потому что бы хотел скрыть что у Артамона Муравьева было еще недели через три после того и другое при котором также находился Швейковский, Сергей Муравьев и Бестужев и у Швейковского еще оных не два, а покрайней мере четыре или пять; но единственно для того, что почитал сего Главнейшим и важнейшим. — К Швейковскому я приезжал как к старому и хорошему своему приятелю всегда не званой и находил у его² каждой раз из членов только Сергея Муравьева и Бестужева. — Враницкой же со мною был у Швейковского только в тот самой день, когда у его отняли полк и тогда мы там нашли Артамона и Сергея Муравьевых и Бестужева — Приглашен же я был к Швейковскому в квартиру на совещание только в последний день перед выступлением войск из Лагеря, да и то прислали вечером³ позд[н]о и там были Артамон и Сергей Муравьевы и Бестужев-Рюмин. || (л. 65)

а) Хотя о первом совещании бывшем в квартире у Швейковского, в тот день когда у его отняли полк и когда я к нему с Враницким приехали

¹ Слова «которые для сего приедут» вписаны над строкой.

² Слова «у его» вписаны над строкой.

³ Слово «вечером» написано дважды.

незванья, я и не могу утверждать, что бы показания Артамона и Сергея Муравьевых и Бестужева были ложны; потому что совещание могло производиться в то время, когда я после обеда уехал в свой Лагерь, потому слушаю, что мне дали из онаго знать, что г. дивизионного команда туда ожидают и что может быть и Г. корпусной командир поедет осматривать Лагерь как 9-ой так и 8-ой дивизии но в справедливости показаний вышеупомянутых членов должно сомневаться потому, что мы Швейковского нашли в таком унынии и при таком малодушии, что сколько мы ни старались его успокоить и утешить но в том успеть не могли — Сверх того Швейковский не только не уговаривал меня на другой день что бы отложить, до 1826-го года предложение сделанное Сергеем Муравьевым, но я о сем совещании ни того дня вечером ни после того, никогда ни от кого не слышал и к Бестужеву по сему не приходил да и не мог приходить за тем что бы доказывать ему что рано еще начинать предполагаемыя действия общества, как впрочем верно бы не пропустил случая сделать тогда же точно такое возражение при всех, как то было в квартире у Артамона Муравьева мною учено, естьли бы Сергей Муравьев или кто нибудь другой из членов, при мне бы вздумал о сем говорить. — Приехав того же дня вечером опять к Швейковскому я застал там только Сергея Муравьева и Бестужева; — Вранецкой же и Артамон Муравьев уже уехали; но вечером тогда при мне никакого разговора о деле тайного общества не было. — Вероятно потому что с нами был тогда и Подполковник Удалов — Притом, каким образом, естьли Швейковский без меня действительно в то время уговаривал заговорщиков отложить исполнение предложения Муравьева до 1826-го года, мог он так легко несколько дней спустя (когда имел столько времени что бы опомниться порядочно от поразившего его несчастия) согласиться в квартире у Артамона || (л. 65 об.) Муравьева на то же ужасное предложение Сергея Муравьева. — Я смею уверять что естьли сии показания членов имеют какую основательность, что совещание производилось не в тот день, но на верное в другое время и гораздо подже¹ после первого совещания, бывшаго у Артамона Муравьева. —

в) После сего на третий или четвертой день приглашены были вместе со мною к обеду Артамоном Муравьевым, Швейковским, Вранецким (за болезнию не приехал) Сергей Муравьев и Бестужев и в сей день Сергей Муравьев сделал то ужасное предложение о возмущении войск и о покушении против Государя, которое я объяснил вместе с тем каким образом Артамон Муравьев вызывался сам посягнуть на жизнь Его Величества в прежних ответных пунктах довольно обстоятельно Но естьли Бестужев тут объявлял о существовании Славянского общества и естьли разсуждали в сие время о возможности послать из них несколько членов в Таганрог и предложено было Бестужеву снести о сем с Славянами, то я осмеливаюсь уверять, что сие случилось после того, когда мне удалось уговорить уже членов отложить действия до 1826-го года; ибо Сергей Муравьев и Бестужев предлагали для отправления в Таганрог Якубовича и еще каких то членов из С. Петербурга, за которыми Сергей Муравьев хотел послать своего брата Сергея²; — впрочем сии разсуждения о Славянах может быть происходили в то время между обеими Муравьевыми и Бестужевым Когда по приходе двух Гусарских офицеров я оставался в беседке с ними и с Швейковским, которой также пошел в дом, когда я несколько минут спустя возвратился,

¹ Так в подлиннике.

² Слово «Сергея» подчеркнуто карандашом, и над ним карандашом же написано: «Матвея».

вошедши туда только за трубкою; так что я довольно долгое время оставался после сего один с сими двумя офицерами, из которых один был майор а другой полковой адъютант. —

с) Разсуждали ли Артамон и Сергей Муравьев Бестужев и Швейковский в квартире у сего последняго без меня, на щет покушения в Таганроге по поводу того, что Бестужев подал им отчет о согласии¹ || (л. 66) Славянского общества и с выбравшихся из оного 15 человеках; и что после многих суждений положили непременно начать возмущение в 1826-м году, с тем, что бы ни под каким видом² уже не откладывать и поклялись ли в том присудствовавшие члены между собою; о том я ничего утвердительного сказать не могу; ибо за мною прислали вечером очень поздно, вероятно после решительного окончания о своем совещании, естьли действительно все так происходило, как члены показывают: но когда я приехал к Швейковскому, то Сергей Муравьев мне объявил в присудствии прочих только то, что между ими твердо положено, что бы возмущение непременно начать во время смотра какой Государем Императором только будет назначен З-му ли пехотному Корпусу или второй армии в 1826-м году, и что по сему остается только озабочиться приготовлением полков к исполнению сего предприятия и стараться приобретать везде как можно более, надежных членов для общества и просил меня что бы я сказал свое мнение по сему случаю и в особенности естьли по какому нибудь непредвидимому и неожидаемому произшествию необходимость заставит начать дело зимою или весною, когда полки будут находиться еще на зимних квартирах, то как я думаю, что бы лучше было начать действие? —

Я ему отвечал:³ вы знаете что завтра с разсветом дня все полки должны очень рано выступить и естьли вы только для того послали за мною что бы объявить мне то, на что прежде уже все согласились, то не для чего было отрывать меня по пустому от дела — мне еще во многом остается в полку распорядиться, ибо я выпросил у дивизионнаго командира позволения ехать вперед один в Ржищев, где как вам известно у меня жена трудно больна, от которой я около двух недель не получал известия — О вашем зимнем или весеннем движении или действии я и думать не хочу; ибо чем будем продовольствовать солдат? от куда возмем деньги на покупку провианта, винной и мясной порции? Сергей Муравьев на сие мне сказал: П! в казенном ящике на первой случай на все потребности вы найдете довольно денег а пришедши в Киев недостатку в оных не будет || (л. 66 об.) Прекрасный и самый благородный совет. отвечал я — Так вы намерены начать дело грабежом и разбоем — Хорош будет конец! — Нет, это не мое дело — Я чужой собственности никогда не прикасался и не коснулся! — Клянусь вам честию, что я лучше пожертвую всем тем, что имею и не откажусь упросить жену продать все свои вещи и даже платье, естьли вы от меня вместо гнуснаго своего предложения, потребовали сделать общую складку для пополнения суммы, какую бы от каждого члена назначено внести для сего; лишь бы только избегнуть всякое насилиство, подобнаго рода — впрочем вы предлагаете мне о сем уже не в первой раз и мое мнение на щет сего предмета слышали неоднократно — Он мне отвечал, да Салдатския деньги не пропадут — Разве их нельзя после пополнить? Нет, прервал я его, я к этому не в состоянии приступить — и так не лучше ли нам прекратить разговор о такой вещи, в которой я ни с вами ни с прочими согласиться буду не

¹ Слова «о согласии» написаны дважды.

² Слово «видом» вписано над строкой.

³ Далее зачеркнуто: «что».

в состоянии — Главнейшее решено и определено по прежнему — вы мне это повторили и как я один ничего переменить не могу в деле, то и предлагать ничего вновь не намерен и сказать ничего более не имею. — Слова: для такого благого дела, каково освобождение отчества — суть вымысленные и я оных никогда не употреблял ни в одном разговоре с членами — Я не привык много говорить, а особливо лишнее и не почувствам своим. — Предложений совершенно никаких, никогда обществу не делал и разговора с членами о деле общества никогда не начинал и отвечал только, когда меня о чем спрашивали весьма редко даже вмешивался в их разговоры и то только при таких случаях, когда оныя¹ косались самых насильственных намерений общества; как то: посягнуть на жизнь Государя, возмутить войска, отнять деньги у Графини Браницкой и еще у какого то Польского помещика, который имел в наличии всегда несколько миллионов и тому подобное. Хотя разговор у меня продолжался с Сергеем Муравьевым более нежели пол часа, но из прочих членов никто в оной не только не вмешивался, но и между собою во все сие время не говорил ни одного слова — Все молчали — И хотя я говорил с начала до конца с большим негодованием, но приметил на всех лицах изображение особенного неудовольствия, и по сему не мудрено, что слова мои сделали сильное впечатление на всех членов. — Они простились со мною с особенною холдностию, не изключая и приятеля моего Швейковского. — || (л. 67) Долго ли еще после моего отъезда они оставались вместе и происходило ли еще между ими без меня какое совещание, о том мне ничего не известно.

2-е) Естьли Артамон Муравьев при сем последнем совещании у Швейковского говорил ему: что ждать будущаго смотра корпусов в 1826-м году и откладывать посылку 15 человек в Таганрог опасно, ибо Государь узнав о духе Корпусов на Смотр не приедет и что возобновлял при сем случае вызов свой идти в Таганрог, то сие случилось без меня, и я о сем ничего не знаю и ни от кого из членов ничего не слышал.

Полковник Браницкий в совещании при мне с прочими членами в Лагере никогда не находился, Но приезжал один раз со мною к Швейковскому в тот день как у сего взяли полк, как я выше упомянул, и мне неизвестно, что был ли он когда приглашен членами на какое совещание; но он ко мне заходил иногда в Лещине и когда случалось ему между прочими разговорами также из редка коснуться и о деле тайного общества, то я не только² замечал что он никогда с такою готовностию к исполнению не отзывался, как прочия, но однажды когда я стал осуждать ужасныя и насильственные средства, к которым Муравьевы и Бестужев хотят и предлагали прибегнуть, то он так был тронут, что с слезами на глазах взяв меня за руку и пожимая оную весьма сильно и долго, с чувством преисполненным благородства сказал: о как я рад слышать от вас что и вы не таких сумозброных и ужасных мнений о нашем деле, как Сергей Муравьев, который безпрестанно только о том и твердит как бы взбунтовать войска и начать скорее такое скверное дело! — На что это похоже?

При всех прочих совещаниях когда мне только случалось заезжать в Швейковскому, у которого я всегда находил Бестужева и Муравьева (когда не было там офицеров Алексопольского полка) сии последния всегда большую частью только о том и твердили мне: что бы я приготовлял сколько возможность позволяет, офицеров и Солдат Полтавского полка, для предложенных действий 1826-го года.

¹ Слово «оныя» вписано над строкой.

² Далее слово «ни» зачеркнуто.

6.

Находясь в балагане у Сергея Муравьева, что бы взять у его вторую часть походов Наполеона, когда Бестужев привел к Муравьеву несколько членов присоединенного к южному, Славянского общества, из коих я никого не знал, то я ни с кем из всех там находившихся не только не говорил ни одного слова относительно дела¹ || (л. 67 об.) тайного общества, но покуда там находился, я ничего не слышал что бы Бестужев или кто нибудь из других членов внушал что о намерениях, силе и связях южного общества или что бы упоминаемо было что действия скоро начнутся; а по сему и не могу объяснить или удостоверить о справедливости показаний Маиора Спиридова (которого только одного из всех и знаю, но с которым никогда ни в какой разговор не вступал, даже и в тот день, когда при Церковном параде мне был в первый раз рекомендован) Подпоручика Горбачевского, Борисова, Адреевича, Бечаснаго и Веденяпина, и что именно было внушено означенным членам Славянского общества Сергеем Муравьевым и прочими у него бывшими южными сочленами. Я не знаю, случайно ли тут были Полковники: Швейковский, Муравьев и Враницкий, или были приглашены кем на сие совещание, но меня к оному никто не приглашал. Хотя я и пробыл там более четверти часа, но вероятно все сие происходило тогда, когда я ушел в свой балаган; ибо даже и²

7.

О разговоре между Швейковским и Враницким о смерти Генерала Лисаневича в Грузии ничего не слышал а по сему и о сих показаниях Горбачевского, Борисова, Бечаснаго и прочих также ничего объяснить не могу.—

8.

Хотя Полковники: Муравьев и Швейковский и имели право заключать что Бестужев отлучался от полку по моему позволению, естьли им известны были его поездки в разные места, но они меня никогда не просили, что бы я дал свое на то согласие — Кроме Сергея Муравьева меня ни кто никогда не просил, что бы я позволял Бестужеву отлучаться для разъездов по делу тайного общества; но я никогда не только не давал на сие своего согласия, но и не знал даже того, что Бестужев для сего был Сергеем Муравьевым употребляем; кроме двух случаев, о которых известился нечаянно. т. е. что³ один раз Бестужев был в Каменке а другой раз у Пестеля; о чем я подал объяснение в прежних своих ответных пунктах. — Сергею Муравьеву я всегда при подобных прозьбах говорил: что он может для сего с большою пользою и безопаснее употреблять брата своего Матвея и что кажется, довольно и того что я позволяю Бестужеву ездить к нему; — за что и без того подвергаюсь большой ответственности. — Я удивляюсь каким образом мог Швейковский решиться сделать ложное показание в том, что он меня убеждал дать свое согласие на позволение Бестужеву разъезжать по делам общества || (л. 68) тогда как он сам отозвался один раз в Лещине Сергею Муравьеву, когда сей при нем о Бестужеве меня стал просить и получил на

¹ Слово «дела» написано дважды.

² Так в подлиннике. Далее следует пункт 7.

³ Слово «что» вписано над строкой.

свою прозьбу упомянутой мною выше ответ: Признаюсь, что естьли бы Бестужев был у меня в полку, то я и сам никогда бы не решился дать свое согласие на то. — В Васильков же к Сергею Муравьеву я довольно часто давал позволение ездить Бестужеву; но всегда ему и Муравьеву подтверждал, что естьли я узнаю, что Бестужев куда нибудь поедет еще в другое место, то не только его никогда более не отпушу в Васильков, но отдаю строжайшее приказание батальонному командиру наблюдать за тем, чтобы он с ротного двора даже ни к кому из своих офицеров без моего позволения не смел бы ездить, как прежде того, уже один раз мною с ним поступлено было. — Доказательством что я Бестужеву не позволял ездить в другия места, кроме Василькова, может служить то, что когда он не присоединился к полку в Киеве, при выступлении полка к Бобруйску то не смотря на усилия и убедительныя прозьбы с начала Сергея Муравьева, а потом и Сергея и Матвея Муравьевых которые для того приехали ко мне ночью в г. Чернигов и привезли с собою рапорт о болезни Бестужева, но я не смотря на все сие, сделал представление г. див. командиру¹ об отлучке Бестужева и арестовал его, по прибытии к полку, сколько он ни уверял меня, что во все время находился очень трудно болен в Василькове.

Сверхъ всехъ объяснений какия только от меня требовали и какия только вспомнить мог, я кроме нижеследующаго (по отметкам мною сделанным, которая всегда в кратце записываю, коль скоро только что вспомню) не имею совершенно ничего боле присовокупить и Высочайше учрежденной Комитет может быть уверен в чистоте искренности моей, что я совершенно ничего не желаю скрыть, что только хотя самомалейшее может иметь отношение к делу тайного общества; при чем долгом себѣ поставляю упомянуть даже и о тех двухъ известияхъ сообщенныхъ мне одно Артамономъ Муравьевымъ а другое Бестужевымъ-Рюминымъ, о которыхъ вспомнивъ послѣ отправления первыхъ своихъ ответныхъ пунктовъ и которая щитавъ хотя и вымышленными, но для очищения совести своей, что бы не нанести пятна чести двумъ достойнымъ Генераламъ армии Его Императорскаго Величества, просилъ я черезъ письмо Г. Генерал-адъютанта барона Дибича, не отказать мнѣ в томъ, что бы прислать ко мнѣ немецкаго или российскаго духовника, но только² (л. 68 об.) человека доброго, знающаго хорошо человеческое сердце и с проницательнымъ умомъ. — Г. Пастор Рейнботъ выслушавъ меня, сказалъ мнѣ: что естьли я весьма сомневаюсь в показанияхъ или объявленныхъ мнѣ известий от такихъ людей, которыхъ правила и сердце мнѣ не совсѣмъ с хорошей стороны известны, то мнѣ беспокоиться не для чего; но что я не долженъ щадить для общаго блага ни братьевъ ни детей своихъ, естьли мнѣ известно что они имѣли участіе в зловредныхъ замыслахъ противу Государства.

1) Во времѧ лагеря при Лещине, Артамон Муравьев в своей квартире, объявил Швейковскому, Сергею Муравьеву, Бестужеву и мнѣ, что Командиръ 3 Гусарской Дивизии Г. Генерал Маиор Ридигеръ показывал ему письмо или предписание от Г. Генерал-адъютанта барона Дибича имъ полученное, в которомъ ему предлагаютъ, что бы он всячески старался узнавать и черезъ надежныхъ людей выведывать, не бывают ли у его в дивизии между офицерами частыя сходьбища или сношения, что бы трактовать между собою о какихъ злыхъ замыслахъ противъ Правительства; что сей Генерал сверхъ того показывалъ видъ, как будто бы ему сие препоручение весьма неприятно.

¹ Слова «г. див. командиру» вписаны над строкой.

² Слова «но только» написаны дважды.

2) В исходе 1824-го или в начале 1825-го года, Бестужев-Рюмин при Сергее Муравьеве мне говорил что Полковник Пестель объявил начальнику главного¹ штаба второй армии Г. Генерал-адъютанту Киселеву о всех намерениях, связях и действиях тайного общества со всеми возможными подробностями; — Что сей Генерал поблагодарил Пестеля за его доверенность и просил только быть поосторожнее.

1825-го года во время контрактов в Киеве, Полковник Враницкий при Пестеле и мне, предлагал принять в члены тайного общества Командира З Гусарской дивизии Г. Генерал-майора Ридигера, коль скоро только возвратится опять в Житомир, ручаясь, что сей Генерал охотно согласится на его предложение; но я его уговорил что бы он сего не делал. — В Лагере при Лещине на первых днях прибытия туда З-го пехотного Корпуса, Полковник Враницкий возобновил сие самое предложение при Швейковском, Сергее Муравьеве и мне, но я его опять стал упрашивать сего не делать на что он наконец согласился, сказав: Напрасно вы его не хотите принять — Ей богу, он человек очень добрый и надежный! — Я его хорошо знаю — Он бы тому обрадовался || (л. 69).

В Лагере при Лещине, на другой день после того как у Швейковского отняли полк, он поехал к Генералу Тихановскому и не застав его дома, зашел в дежурство 9 Пехотной дивизии, где принял в члены тайного общества бригадного адъютанта, Черниговского пехотного полка Поручника Шахарева; о чем того же дня объявил Сергею Муравьеву, мне и Бестужеву Рюмину — Я ему за сие выговаривал дружески и упрекал, что как ему не грешно и не стыдно вводить в грех молодого, неопытного офицера от которого сверх того общество большой пользы ожидать не может и упрашивал его до тех пор, поправить свою непростительную вину, (хотя тем, что бы съездить к Шахареву и убедить его клятвенно на честное слово, что бы он о сем не только никому не говорил, но есть ли когда ктонибудь станет его уговаривать опять вступить в тайное общество, то что бы никак не соглашался) покуда не получил от него на то обещание, что он сие исполнит. — Сдержал ли Швейковский свое слово или нет, о том ничего утвердительного сказать не могу; ибо не помню того, что спрашивал ли я его о деле Шахарева; но как сей офицер был у меня в Лагере несколько раз и я его сверх того довольно часто видел и он никогда со мною не начинал говорить о тайном обществе, то вероятно Швейковский исполнил свое обещание.

Полковник Тизенгаузен²
Генерал Адъютант Чернышев. || (л. 70)

№ 18 (16)³

1826 Года Маия 3 дня от Высочайше учрежденного Комитета Подполковнику Сергею Муравьеву Апостолу дополнительный Вопросный пункт.
Полковник Тизенгаузен, принятой в Тайное Общество Вами и братом Вашим Матвеем в 1824 Году утверждает между прочим:

¹ Слово «главного» вписано над строкой.

² Показание написано В. К. Тизенгаузеном собственноручно.

³ В верху листа помета чернилами: «5 мая 1826».

1) Что при вступлении его в Общество объявлена была ему цель оного введение Конституции, но если неудастся прозьбами склонить Государя Императора к тому, чтобы Его Величество согласился даровать народу Конституцию, то как Монарха, так и всех священных особ Августейшей фамилии задержать посредством Гвардейских Полков.

2) Что о намерении Южного Общества ввести в России Республиканское Правление посредством революции и посягнуть против всех священных особ || (л. 70 об.) Императорской фамилии он ни от кого не слыхал.

3) Что о предприятии Общества против покойного Государя при белой Церкви в Лагере 1824 Года он так же незнав.

4) Что кроме предложений, сделанных Вами и Артамоном Муравьевым, (в квартире сего последнего) во время Лагеря при Лещине на счет возмущения войск и покушения против Государя которая он успел отклонить согласив членов на отсрочку действий до 1826 Года, он ничего более не слыхал и

5) Что на последнем совещании при Лещине, где решительно положено было начать действия в 1826. и ни по чему уже не откладывать, он небыл, а приехал к Швейковскому по приглашению уже тогда как суждение о сем было кончено, и он имел только с Вами продолжительный и жаркий разговор, в котором || (л. 71) он старался доказать невозможность начатия действий зимою или весною и Гнусность средств, какия предлагались для продовольствия возмущенных войск. Разговор сей сделал на всех впечатление. Присудствовавшие тут Молчали и холодно с ним простились, неизключая и приятеля его Швейковского.

Поясните чистосердечно: справедливо ли такое показание Полковника Тизенгаузена?

Генерал Адъютант Ч е р н ы ш е в

Полковник Тизенгаузен принят в общество не мною и братом, а мною в начале 1824-го года в Киеве во время Контрактов¹ в Конце того года я приезжал к нему с Братом, как к члену принадлежащему уже к Обществу.

Полковник Тизенгаузен принадлежал ко 2-му разряду членов общества и знал цель и средства оного; следственно он знал что цель общества: введение Конституции народной, и удаление от правления Императорской фамилии, средства же: переворот. Истребление же всей Императорской фамилии не было ему никогда предложено, ибо как я много раз уже повто || (л. 71 об.) торял² мнение сие никогда не было ни принято ни Господствующее в Обществе. О предположениях действий при Белой церкви ничего не было, кажется, сообщено ему, ибо все это было одно предположения без всякого предвидимого исполнения в Лещине не знаю Полковник — ли Тизенгаузен остановил действие, ибо на совещании в квартире Полковника Швейковского, где было положено начинать действие, Полковник Тизенгаузен сохранил большую частью молчание. На другой же день приезжал ко мне Полковник Швейковский, с предложением отложить действие, на что я, согласившись, пригласил всех ехать к Ар. Муравьеву, где все, кроме его Ар. Муравьева, были согласны на оставление всякого действия на 1825-той год; а, может быть, Полковник Тизенгаузен внушил Швейковскому мысль остановить действие; на последующем же совещании в Лещине, действительно Полковник Тизенгаузен приехал после

¹ Далее зачеркнуто: «Когда же».

² В подлиннике описка: «повторял»

всех и довольно позд[н]о, но он был тут и дал свое согласие на равне с другими когда решено было действовать неотложно в 1826-м году: и когда члены утвердили сие решение, взяв себя все за руки (что впрочем было повторение происходившаго на квартире Ар. Муравьева, когда было первое предложение не откладывать действия далее 1826-го года) разсказанной же разговор при сем последнем совещании, Полковником Тизенгаузеном, был не со мною, как он показывает, а с Бестужевым, и не был ни жаркой ни продолжительной, вот в чем он заключался: Полковник Тизенгаузен спросил в случае действия и движения войск на Москву, где возмем деньги для продовольствия войск? — Бестужев отвечал: в казначействах их довольно. — Полковник Тизенгаузен возразил что он никогда не согласится на употребление таковое денег не принадлежащих обществу: на что Бестужев отвечал: что если ждать пока Общество соберет довольно денег, чтобы содержать оными войска, то действия никогда не начнутся; что в Казначействах деньги народныя, что мы действуем в его пользу, и что следственно деньги сии могут быть употреблены без зазрения совести: На это Полковник Тизенгаузен отвечал: что не для того говорил о сем чтобы отклонить действие, что напротив он даже готов предложить чтобы каждой член продал все что имеет, и отдал деньги для употребления || (л. 72) по надобностям общества, что, хотя он не Богатой человек и имеет жену и трое детей, но он первой исполнит сие, уверен будучи, что если он останется жив жена и дети его не пропадут, а если он погибнет, то добрые люди их не оставят. Слова сии, выражавшия столь благородныя чувствования, действительно произвели впечатление на всех присудствующих, и я помню что я в то время встав со стула, подошел к Полковнику Тизенгаузену и пожал его за руку. После же всех сих разговоров, члены все разстались весьма дружески, и я, по крайней мере, не заметил ни какой холдности между ими.

Подполковник Муравьев-Апостол¹
Генерал Адъютант Чернышев. || (л. 73)

№ 19 (17)²

1826. Года Мая 3 дня От Высочайше учрежденного Комитета Подполковнику Матвею Муравьеву Апостолу дополнительный вопросный пункт: Полковник Тизенгаузен принятой в Тайное общество Вами и братом вашим Сергеем в 1824. Году утверждает между прочим:

1) При вступлении его в Общество объявлена была ему цель оного введение Конституции, но если неудастся просьбами склонить Государя Императора к тому, чтобы Его Величество согласился даровать Народу Конституцию, то как Монарха, так и всех Священных особ Августейшей фамилии задержать посредством Гвардейских полков.

2) Что о намерении Южного Общества ввести в России Республиканское Правление посредством Революции и посягнуть || (л. 73 об.) против всех священных особ Императорской фамилии он ни от кого не слыхал

3) Что о предприятии Общества против Покойного Государя при белой Церкви в Лагере 1824 Года он так же не знал.

¹ Показание написано С. М. Муравьевым-Апостолом собственноручно.

² В верху листа помета чернилами: «5 мая 1826».

4) Что кроме предложений сделанных Сергеем и Артамоном Муравьевыми, (в квартире сего последняго) во время Лагеря при Лещине на счет возмущения войск и покушения против Государя которых он успел отклонить согласив членов на отсрочку действий до 1826 Года, он ни чего более не слыхал и

5) Что на последнем совещании при Лещине, где решительно положено было начать действие в 1826 и ни почему уже не откладывать, он небыл, а приехал к Швейковскому по приглашению уже тогда, как суждение о сем было кончено, и он имел только с Сергеем Муравьевым || (л. 74) продолжительный и жаркий разговор, в котором он старался доказать невозможность начатия действий зимою или весною и гнусность средств, какия предлагались для продовольствия возмущенных войск. Разговор сей сделал на всех впечатление. Присудствовавшие тут молчали и холодно с ним простились неизключая и приятеля его Швейковского.

Поясните чистосердечно: справедливо ли таковое показание Полковника Тизенгаузена?

Генерал-Адъютант Чернышев

Полковник Тизенгаузен не был принят мною в члены тайного общества он был принят братом моим Сергеем и Бестужевым Рюминым. — Я не был в Лещине и я с ним никогда ни¹ говорил о введении республиканского правления и о покушении на жизнь Императорской фамилии — но я слышал от Бестужева Рюмина когда он был у меня в деревне что Полковник Тизенгаузен был против мнение начать действии в продолжении 1826 года

Отставной Подполковник Матвей Муравьев-Апостол²

Генерал Адъютант Чернышев. || (л. 74 об.)

P. S.

С Полковником Тизенгаузеном я более говорил о Молдавских его походах чем об обществе — он это может подтвердить.

Отставной подполковник Матвей Муравьев-Апостол³

Генерал Адъютант Чернышев. || (л. 75)

№ 20 (18)⁴

1826. Года Маия 3 дня от Высочайше учрежденного Комитета Полковнику Артамону Муравьеву дополнительный вопросный пункт:

Полковник Тизенгаузен, принятой в Тайное Общество Сергеем и Матвеем Муравьевыми Апостол в 1824. Году утверждает между прочим:

1) Что при вступлении его в общество объявлена была ему цель оного введение Конституции, но если неудастся просьбами склонить Государя Императора к тому, чтобы Его Величество согласился даровать Народу

¹ Далее над строкой ошибочно вторично написано: «никогда».

² Показание написано М. И. Муравьевым-Апостолом собственноручно.

³ Показание написано М. И. Муравьевым-Апостолом собственноручно.

⁴ В верху листа помета чернилами: «5 мая 1826».

Конституцию, то как Монарха, так и всех священных особ Августейшей фамилии задержать посредством Гвардейских полков.

2) Что о намерении Южного Общества ввести в россии Республиканское Правление посредством Революции и посягнуть || (л. 75 об.) против всех Священных Особ Императорской фамилии он ни от кого не слыхал.

3) Что о предприятии Общества против покойного Государя при Белой Церкви в Лагере 1824 года он так же незнает.

4) Что кроме предложений сделанных Вами и Сергеем Муравьевым (в квартире вашей) во время Лагеря при Лещине нашел возмущения войск и покушения против Государя которых он успел отклонить согласив членов на отсрочку действий до 1826 Года, он ничего более не слыхал и

5) Что на последнем совещании при Лещине, где решительно положено было начать действия в 1826 и ни по чему уже не откладывать, он не был, а приехал к Швейковскому по приглашению уже тогда как суждение о сем было кончено, и он имел только с С. Муравьевым продолжительный || (л. 76) и жаркий разговор, в котором он старался доказать невозможность начатия действий зимою или весною и гнусность средств, какия предполагались для продовольствия возмущенных войск. Разговор сей сделал на всех впечатление. Присудствовавшие тут молчали и холодно с ним простились неизключая и приятеля его Швейковского.

Поясните чистосердечно: справедливо ли такое показание Полковника Тизенгаузена?

Генерал Адъютант Ч е р н ы ш е в . || (л. 77)

№ 21 (19)

В Высочайше учрежденный Комитет.

Полковника Муравьева

О т в е т ы .

на 1-ой.

Увидя в первый раз Полковника Тизенгаузена у себя в Староселье под Лещином, мне не было объявлено Когда он был принят, и что при принятии его в Общество ему было сообщено. о чем я и не спрашивал.

на 2-ой.

Если Южным Обществом разумеется общество 2-й армии под управлением Пестеля, чего поистине я не знаю, то онаго действия и намерения точно не были целью наших разговоров а все что припомнил я объявил.

на 3.

Я незнаю и не слыхал что ожидали ли под Белую Церковь Государя Императора, и незнаю были тогда какия решительные намерения к действию, ибо я только и слыхал посторонняго, о прошедшем желании начать возмущение это было то что хотели делать в Бобруйске; от Сергея Муравьева

и то въскось, так что совершенно из памяти у меня изгладилось малейшия даже обстоятельства до сего касающимся, что я в 1-м показании моем объявил. В прочем под Лещиным настояще и будущее только нас занимало. Говорили только что под Белою Церковью занимались набором членов.

на 4.

Предложение начать возмущение с войсками бывшими в 1825-м Году под Лещиным, как сам Полковник Тизенгаузен показал было сделано Сергеем Муравьевым; наружно более было отвержено по причине не присутствия на смотре покойного Государя Императора, хотя если должно || (л. 77 об) по всей истине сказать, Естественная тому причина была та: что уверенность Сергея Муравьева в войсках для каждого должна¹ быть² неосновательная и даже Ложна. Скажу в доказательство про себя: что словами соглашаясь на сие, и что более ручаясь за командованный мною тогда полк, я это говорил в то время когда ни с одним из 2-х Офицеров мною показываемых не промолвил слова, нетолько бы что приготовлял (чего и в последствии никогда не делал). К тому в остальных полках 3-й Гусарской Дивизии незннал никого по сим отношениям, уверен был напротив; что Александрийской полк не предпримет ничего противу законного, и также почти мыслил о остальных двух а паче о Мариопольском³ полку, ибо смежность Василькова и Штаба Принц-Оранского полка, могли меня заставить полагать что Муравьев и Бестужев имеют там связи, хотя положительно ничего не знал, и до сих пор незнаю. К тому же надежда Муравьева на 8-ю дивизию утверждалась на солдат бывших в Семеновском полку, то мог ли кто и оную полагать основательно. в 9-й дивизии если даже и щитали на Черниговской Полтавской и полк командованный Швейковским, то о 2-х Егерских речи не было, а Кременчугской был в Киеве в Карауле. и хотя разговоры мои были преступны, то решительно⁴, добавлю что и всегда были⁵ противу моего убеждения. Потому то не трудно было Полковнику Тизенгаузену настоять на отсрочку, тем более что все полагали удобнее по преступным замыслам предполагаемой смотр Государя Императора в 1826 Году. а что более ничего не слыхал Полковник Тизенгаузен то истинна, ибо сии разговоры, а меня порученность его и Швейковского разбудить нас занимали⁶. || (л. 78)

на 5-й.

По истине могу сказать; что неоднажды была речь и положено решительно начать действия в 1826 Г. на смотре. Косательно же предположений начатия зимою и Весною, то хотя и было о сем Говорено, что также я показал, но настойчивости ни от кого⁵ в сем не было, и отвергнуто было более⁶ по причине отдаления полков один от другого находясь в своих квартирах. Что же Полковник Тизенгаузен упоминает о последнем совещании у Полковника Швейковского то точно он после всех, приехал, но я полагаю что

¹ Слова «должна», «быть» вписаны над строкой.

² Так в подлиннике.

³ Слова «решительно», «были» вписаны над строкой.

⁴ Так в подлиннике.

⁵ Слова «ни от кого» вписаны над строкой.

⁶ Слово «более» вписано над строкой.

естли упомянутаго разговора не застал, то верно ему он был сообщен. Причину спора с С. Муравьевым хотя имяю не помню, но не отрицаю потому, что точно должен сознаться, что Полковник Тизенгаузен всегда был нас¹ а паче меня основательнее и осторожнее в суждениях своих. Естли не ошибаюсь, то помнится мне что я прежде всех уехал оставя их у Полковника Швейковского, и почти в том уверен.

В ответах моих я старался сколько мог быть положителен и держался истинны. Заключаю тем; что никто более меня неможет быть убежденным, что естли кто может сискать сколько нибудь себе пощады и милосердия Государя, то это тот кто чистосердечно объявит все им зделанное и говоренное, а потому естли бы когда к словам моим прикасалось бы намерение, чтобы из поступков моих было бы видно, то верно бы в ответах моих не было бы ничего неположительного, но говоря всегда чтоб говорить более всех, я подробности перезабыл, и для того готов принять на себя не говоренаго мною, только бы отвратить от себя подозрение в желании что либо утаить. Да и к чему мне² после того в чем сознался

Полковник Муравьев³
Генерал Адъютант Чернышев. || (л. 79)

№ 22 (20)

1826. Года Мая 3 дня От Высочайше учрежденного Комитета Подпоручику Бестужеву-Рюмину дополнительный Вопросный пункт:

Полковник Тизенгаузен, принятой в Тайное Общество Сергеем и Матвеем Муравьевыми в 1824. Году утверждает между прочим:

1) Что при вступлении его в Общество объявлена была ему цель онаго введение Конституции, но если неудастся просьбами склонить Государя Императора, к тому, что бы Его Величество согласился даровать Народу Конституцию, то как Монарха, так и всех священных особ Августейшей фамилии задержать посредством Гвардейских полков.

2) Что о намерении Южного Общества ввести в россии Республиканско Правление || (л. 79 об.) посредством Революции и посягнуть против всех священных Особ Императорской фамилии он ни от кого не слыхал.

3) Что о предприятии общества против покойного Государя при белой Церкви в Лагере 1824. Года он так же незнан.

4) Что кроме предложений сделанных Сергеем и Артамоном Муравьевыми (в квартире сего последняго) во время Лагеря при Лещине нашел возмущения войск и покушения против Государя которая он успел отклонить согласив членов на отсрочку действий до 1826. Года, он ни чего более не слыхал и

5) Что на последнем совещании при Лещине, где решительно положено было начать действия в 1826. и ни почему уже не откладывать, он не был, а приехал к Швейковскому по приглашению || (л. 80) уже тогда как суждение о сем было кончено, и он имел только с С. Муравьевым продолжительный и жаркий разговор, в котором он старался доказать невозможность начатия действий зимою или весною и гнусность средств, какия предполагались для

¹ Так в подлиннике.

² Слово «мне» вписано над строкой.

³ Показание написано А. З. Муравьевым собственноручно.

продовольствия возмущенных войск. Разговор сей сделал на всех впечатление. Присудствовавшие тут молчали и холдно с ним простились, неизключая и приятеля его Швейковского.

Поясните чисто сердечно: справедливо та^{ко}вое показание Полковника Тизенгаузена?

Генерал Адъютант Ч е р н ы ш е в

Все показания Полковника Тизенгаузена справедливы, кроме одного: Он знал от меня прежде Лещин — || (л. 80 об.) скаго Лагеря, мнение всего общества о необходимости лишить Государя жизни для введения представительного правления. Ни в каких планах он ни малейши^е не участвовал, сначала даже утверждал что достаточно запереть Государя в крепость на некоторое время; — но в последствие уже мнению общества не противоречил, т. е. относительно Государя.

Подпоручик Б е с т у ж е в - Р ю м и н ¹

Здесь я считаю долгом сказать, что приехав в Бобруйск уже после кончины Государя, я уговаривал Тизенгаузена начать действия, увлекая за собою Могилевской и Смоленской полки; но что он сие предложение отвергнул; говоря: «что может быть Константин Павлович будет лучше покойного Государя».

Подпоручик Б е с т у ж е в - Р ю м и н ²
Генерал Адъютант Ч е р н ы ш е в. || (л. 81)

№ 23 (21)³

1826 Года Маия 3 дня От Высочайше учрежденного Комитета Полковнику Повало-Швейковскому дополнительный Вопросный пункт.

Полковник Тизенгаузен, принятой в Тайное Общество Сергеем и Матвеем Муравьевыми в 1824. Году утверждает между прочим:

1) Что при вступлении его в общество объявлена была ему цель оного введение Конституции, но если неудастся прозьбами склонить Государя Императора к тому, что бы Его Величество согласился даровать Народу Конституцию, то как Монарха, так и всех священных особ Августейшей фамилии задержать посредством Гвардейских полков.

2) Что о намерении Южного Общества ввести в России Республикаんское Правление || (л. 81 об.) посредством Революции и посягнуть против всех священных особ Императорской фамилии он ни от кого не слыхал.

3) Что о предприятии Общества против Покойного Государя при белой Церкви в Лагере 1824. Года он так же незнал.

4) Что кроме предложений сделанных Сергеем и Артамоном Муравьевыми (в квартире сего последняго) во время Лагеря при Лещине насчет воз-

¹ Показание написано М. П. Бестужевым-Рюминым собственноручно.

² Показание написано М. П. Бестужевым-Рюминым собственноручно.

³ В верху листа помета чернилами: «5 Маия 1826».

мущения войск и покушения против Государя которых он успел отклонить согласив членов на отсрочку действий до 1826 Года — он ни чего более не слыхал и

5) Что на последнем совещании при Лещине, где решительно положено было начать действия в 1826. и ни по чему уже не откладывать, он не был || (л. 82) а приехал к Вам по приглашению уже тогда как суждение о сем было кончено, и он имел только с С. Муравьевым продолжительный и жаркий разговор, в котором он старался доказать и невозможность начатия действий зимию или Весною и гнусность средств, какия предлагались для продовольствия войск. Разговор сей сделал на всех впечатление. Присудствовавшие тут молчали и холодно с ним простились неизъясняя и Вас.

Поясните чистосердечно: справедливо ли таковое показание Полковника Тизенгаузена?

Генерал Адъютант Чернышев

На повеление Высочайше учрежденного Комитета донесть честь имею:

1) Что было Сергеем, и Матвеем Муравьевыми сообщено Полковнику Тизенгаузену о Тайном || (л. 82 об.) обществе при принятии его в оное мне о том ничего не известно.

2) О введении в России республиканского правления, мне кажется я имел честь Комитету донести что о сем намерении Южного общества, я сведения прежде не имел. и было ли оное Тизенгаузену объявлено по всей справедливости доношу что мне во все не известно.

3) О предположении которое членами общества сделано было до Лагеря 1824 года как предложить Государю Императору об обнародовании Конституции Сергей Муравьев в Белой Церкви рассказывал мне, но Тизенгаузену Сообщал ли он также о сем, не знаю. Может быть что и нет; по поводу что Государя прибытия на смотр Войска не ожидалось. о чем известно было до вступления в Лагерь. — Я же Тизенгаузену о сем разговоре Муравьева ничего не говорил; ибо мы бывая вместе, о делах общества не занимались. —

4) В бытность у Артамона Муравьева, когда сей объявил свое желание отправиться в Таганрог; действительно справедливо что Тизенгаузен, приняв мою сторону, также сильно опровергал сие предприятие. || (л. 83) и поддерживал чтобы до лагеря 1826-го года ни чего не предпринимать.

5) Тизенгаузен, как припомнить могу точно приехал ко мне перед окончанием того условия на которое успел я положительно согласить чтобы до Лагеря 1826-го года совершенно ни чего не предпринимать. О чем Сергей Муравьев и рассказал ему. и он был моего мнения. — Я донесть честь имею Комитету что Тизенгаузен никогда не был наклонен к начатию действия. он также старался отдалить время онаго. — Может быть имел также причины для сего. —

Касательно разговора о продовольствии войска; в прежних моих ответах я имел честь объяснить Комитету как опровергал Тизенгаузен те средства которые Муравьевы предлагали при действии употребить. и что разсуждение о сем предмете прекратилось, когда Артамон Муравьев, сказал; что он доставить деньги.

Полковник Повало-Швейковской¹

Генерал Адъютант Чернышев. || (л. 84)

¹ Показание написано И. С. Повало-Швейковским собственноручно.

№ 24 (0)

Выписка из показаний о Полковнике Тизенгаузене

Кто показывает
Сергей Муравьев

Матвей Муравьев
Князь Волконской
Бестужев Рюмин

Давыдов
*Тизенгаузен*¹

Пестель
Бестужев

О Полковнике *Ти-
зенгаузене*

Содержание.

В 1825. Году в Лагере при Лещине присудствовал на всех трех совещаниях у Швейковского и Артамона Муравьева; но более молчал; а ежели и говорил, то с холодною решительностью ему свойственною.

Бестужеву позволял разъезжать везде *Тизенгаузен* по убеждениям Сергея Муравьева, Швейковского и Артамона Муравьева.

Члены общества дали присягу действовать в 1826. Году.

Тизенгаузен участвовал на совещаниях в Киеве. На 9-ю дивизию общество надеялось потому, что в ней находились *Тизенгаузен*, Сергей Муравьев и Швейковский. *Тизенгаузен* был на всех совещаниях при Лещине 1825. Года; в одном из оных Тизенгаузен предложил о складке на продовольствие возмущенных войск, предлагая все, что он имеет. (см. Бест. 11 пун.) || (л. 84 об.). *Тизенгаузен*, позволявший ему проживать в Василькове не был известен о его разъездах.

По совещаниям 1824. у Пестеля, Давыдова, Бородиной и в лагере *Тизенгаузен* с Швейковским и Сергеем Муравьевым должны были возмутить корпус (допол. пун. 1)

В лагере 1825 при Лещине Тизенгаузен на другой день после первого совещания, где Артамон Муравьев решительно требовал начинать действия приходил к нему Бестужеву и доказывал, что рано начинать. (см. дополн. отв. на во: 16 ф.)

Общество полагалось на полк *Тизенгаузена* (10) В 1824 Году принят в общество Сергеем и Матвеем Муравьевыми.

Он молчал, когда у Артамона Муравьева решено начать действия (4)

Тизенгаузен член Васильковской управы (19) || (л. 85).

Тизенгаузен в одном из совещаний говорил о складке членов на продовольствие войск. || (л. 1)

№ 25 (0)

Тизенгаузен при начальном допросе сделал отрицание, что он ни какого понятия не имеет о тайном обществе и его намерениях; но после

¹ Так в подлиннике.

Командире Полтавского пехотного полка¹.

добровольно сознался, что был членом и принят Подполковниками Сергеем и Матвеем Муравьевыми-Апостолами в 1824-м году в местечке Ржищеве.

На счет цели сего общества братья Муравьевы объявили ему тогда, что знатнейшие особы в Петербурге и в Москве решились, если им не удастся просьбами склонить Государя Императора к тому, чтобы Его Величество согласился дать Российскому народу конституцию: то как самого Монарха, так² || (л. 1 об.) и всех священных особ Августейшей Императорской фамилии задержать посредством Гвардейских полков; но о предположении общества лишить жизни Государя Муравьевы не говорили до 1825-го года.

Намерение Южного общества ввести в России республиканское Правление посредством революции и посягнуть на жизнь всей Императорской фамилии не было ему известно. Он не знал также о совещаниях, происходивших по сему предмету в 1823-м году в Киеве и в Каменке (т. е. до вступления его в общество).

О предприятии общества покуситься против покойного Государя и возмутить войска в лагере при Белой церкви в 1824-м году || (л. 2) он Тизенгаузен не слыхал кроме того, что Полковник Пестель, с которым он, по настоянию Сергея Муравьева, виделся в Июле 1824-го в лагере говорил о своей уверенности, что Россия в 1825-м году непременно уже будет иметь Конституцию. Но в 1825-м году, не помнит только при каком случае, Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин сказывали ему о сообщенном от Пестеля предположении членов 2-й Армии, чтобы при первом смотре, какой только будет назначен Государем 2-й Армии или 3-му корпусу, в случае нужды не только задержать, но и лишить жизни Его Величество. Исполнить сие по 3-му Корпусу намеревались таким образом, чтобы || (л. 2 об.) назначенным из 2-й Армии и в Петербурге решительным и сильным членам ночью ворваться в комнату Государя, нанести — удар Его Величеству и в то же время арестовав Генералов Толя, Рота и всех прочих, кои приедут на смотр, (но не принадлежат обществу), разослать во все полки по одному экземпляру прокламации к войскам и по одному же экземпляру конституции; а потом всей дивизии или корпусу двинуться на Киев и овладеть там крепостию; далее, в случае удачи, по словам Сергея Муравьева нужно было послать курьеров во 2-ю Армию, в Петербург и Москву и во все места

¹ Ниже на полях помета карандашом: «№ 76».

² Внизу листа помета чернилами: «№ 13», и ниже: «Читана 6 Июня 1826.—».

Государства с извещением о случившемся и разослать || (л. 3) экземпляры конституции и прокламации к войску и народу.

В сношениях Южного общества с Северным и Польским Тизенгаузен ни какого участия не принимал и о подробностях не знал; а только в конце 1824-го или в начале 1825-го года слышал от Сергея Муравьева, что общество находится в связи с поляками, которым обещано восстановление их Королевства, если будут содействовать.

Тизенгаузен утверждает, что на первом совещании в лагере 1825-го года при Лещине, происшедшем у Швейковского в тот день, когда отнят у него полк он не присудствовал; а видел Швейковского по утру и вместе || (л. 3 об.) с Вранцким старался успокоить в отчаянном его положении, но не успел; ввечеру же того дня хотя и заезжал в квартиру Швейковского, где нашел Сергея Муравьева и Бестужева; однако тогда о деле общества ни чего не говорили, вероятно потому, что был тут сторонний Подполковник Удалов.

Он признается, что через три или 4 дня после сего по приглашению Артамона Муравьева был у него вместе с Швейковским, Сергеем Муравьевым и Бестужевым, где Сергей Муравьев первой предложил, чтобы непременно начать дело (возмущение), брался поднять 8-ю Дивизию; на 9-ю и на 3-ю Гусарскую совершенно надеялся, || (л. 4) особенно же на Черниговский полк и на всю Артилерию; хотел послать за братом своим Матвеем (Муравьевым), дабы отправить его в Петербург и Москву, где по словам его все готово; упоминал, что вместе с тем непременно нужно уведомить Якубовича, чтобы и он был готов и к тому прибавил: «да и умногих не дрогнет рука; их в Петербурге довольно; брат (Матвей) найдет всех, кого нужно!» Артамон Муравьев поддерживал слова Сергея Муравьева и все согласились; но он Тизенгаузен молчал. Когда же Артамон обратясь к нему, спросил: а вы как думаете Полковник? То он отвечал: «и вы думаете, что || (л. 4 об.) так легко рука может подняться на Государа! — подобных извергов не много в свете! И хотел было продолжать ... Тогда Артамон прервав речь его и возвысив голос, произнес ужасный вызов своей¹ на покушение против жизни Государя; «а мое мнение сказал на сие Тизенгаузен, «лучше оставить дело, как прежде предложено до будущего года.» Все были недовольны сим мнением, особенно же Артамон Муравьев; но приходя мало по малу в себя, на конец согласились на прежнее, отложить все до следующего лета.

¹ Так в подлиннике.

При суждениях означенных лиц о том, чтобы нескольких членов Славянского общества отправить в Таганрог и о вызове сих последних на сие предприятие, равно и при решительном заключении, что-бы непременно начать возмущение в 1826м || (л. 5) году, которое утверждено было клятвою, он Тизенгаузен также не присудствовал; а был приглашен к Швейковскому уже ввечеру очень позд[н]о, где Муравьев требовал от него мнения, каким образом лучше начать дело, если необходимость заставит приступить к сему в то время, когда полки будут находиться на Зимних квартирах. Когда же Тизенгаузен отказываясь от разсуждения посему предмету недосугом *, сказал Муравьеву, что он не хочет и думать о его зимних или весенних движениях; *ибо чем будет продовольствовать солдат?* И когда Муравьев отвечал, что на первый раз можно взять деньги — из казенного ящика; а пришедши в Киев недостатка в них не будет: || (л. 5 об.) то Тизенгаузен порицая сей грабительский способ продовольствия — солдат, действительно говорил, что лучше *пожертвует всем, что имеет и упросить жену продать все свои вещи и даже платье, если от него потребуют сделать общую складку, нежели согласится на столь гнусную и насильственную меру*; после чего, старался прекратить самый разговор и вскоре уехал.

В командуемом им Полтавском полку ни офицеров, ни нижних чинов к цели общества неприводил и старался всегда содержать подчиненных в строгом порядке службы.

На счет частых отлучек от полку Подпоручика Бестужева-Рюмина Тизенгаузен отвечал, || (л. 6) что позволял ему часто ездить только в Васильков к Сергею Муравьеву; но разъезжать по другим местам позволения никогда не давал, хотя Муравьев не однократно его о том просил и даже известившись, что Бестужев был у Пестеля в Линцах и в Каменке у Раевского, наказал его за первую отлучку домашним арестом, а за другую строгим выговором и запрещением отлучаться на будущее время. С того времени сам Бестужев не смел уже проситься; Но обыкновенно ходатайствовал за него Сергей Муравьев, что-бы отпустить его в Васильков. Когда при движении полка из Киева к Бобруйску Бестужев не явился к оному; то || (л. 6 об.) не смотря на убедительная просьбы братьев Муравьевых, Тизенгаузен донес об отлучке его Корпусному Командиру и коль скоро Бестужев

* Он рано по утру должен был выступить с Полком своим из лагеря. (Примечание в подлиннике.)

явился к полку, то был арестован. В половине Декабря хотя Бестужев, показывая полученные из Москвы письма о смерти матери и о болезни отца его, убедительно просил уволить его туда; но он Тизенгаузен решительно отказал ему и только снисходя к постигшему его несчастию, дал поручение ехать в Киев за приемом жалованья с тем, что он оттуда испросит себе отпуск от Корпусного Командира и возвратится с жалованьем в полк.

За всем тем Тизенгаузен || (л. 7) признает себя виновным в слабости и упущении своей обязанности относительно отлучек Бестужева от полку и почитает достойным наказания.

На конец он уверяет, что внутренно ни когда не разделял злоумышленных видов и намерений Муравьевых и отвращаясь от них, намеревался в конце 1824-го года просить о переводе его из 3-го Корпуса в другое место; а о совещании, происходившем у Артамона Муравьева открыть тогда же Корпусному Командиру; но в первом случае братья Муравьевы удержали его силою убедительнейшей прозьбы своей, которую из них Сергей став пред ними¹ на колени, продолжал до тех пор, пока он не дал слова остаться по прежнему в Полтавском полку; а в последнем, не нашел себя в || (л. 7 об.) состояниях войти в комнату Генерала Рота, хотя и приходил для того в дом его.

Тизенгаузен в общество никого не принял.

На счет его показывают:

В 1825-м году в лагере при Лещине присудствовал на всех трех совещаниях у Швейковского и Артамона Муравьева; но более молчал; а ежели и говорил, то с холодною решительностью, ему свойственною.

Бестужеву позволял разъезжать везде по убеждениям его Сергея, Швейковского и Артамона Муравьева.

Когда Тизенгаузен намеревался выйти из Полтавского полка, то Сергей Муравьев и брат его Матвей действительно || (л. 8) употребили всевозможные убеждения остановить его и едва в том успели, не становясь однако на колени.

Тизенгаузен был на всех совещаниях при Лещине и в одном предлагал о складке для продовольствия возмущенных войск, жертвуя всем, что имеет.

На другой день совещания, — где Артамон Муравьев действительно требовал начинать действия Тизенгаузен приходил к нему Бестужеву и доказывал что рано начинать.

Сергей Муравьев.

Бестужев-Рюмин.

¹ Так в подлиннике.

О СЛЕДСТВЕННОМ ДЕЛЕ В. К. ТИЗЕНГАУЗЕНА

Василий Карлович Тизенгаузен принадлежал к числу членов Южного общества декабристов. О его принадлежности к тайному обществу правительство Николая I узнало главным образом из показаний Майбороды. Почти в то же самое время, 20 декабря 1825 г., производивший следствие на Юге, генерал-адъютант Киселев указывает на В. К. Тизенгаузена как на одного из членов общества¹. Приказание об его аресте было дано 25 декабря². В. К. Тизенгаузен, находившийся ко времени начала следствия со своим Полтавским пехотным полком в Бобруйской крепости, был арестован в ночь с 4 на 5 января 1826 г. 5 января он давал свои предварительные показания в Могилеве Белорусском главным образом по поводу частых отлучек служившего в его полку М. П. Бестужева-Рюминна (см. документ № 3).

Как видно из послужного списка В. К. Тизенгаузена, он одно время состоял адъютантом генерала И. И. Дибича, с которым все время был в близких отношениях. Когда В. К. Тизенгаузен был привлечен к следствию, он посыпал письма Дибичу, ставшему теперь одним из членов Следственного комитета. Таких писем Дибичу в деле сохранилось два; кроме того, мы встречаем здесь же указание, что он писал Дибичу еще один раз.

Важное значение имеют письма на французском языке (см. документы №№ 8а и 8б). Одно из них (см. документ № 8а) написано С. И. Муравьевым-Апостолом и было адресовано В. К. Тизенгаузену. Оно датировано 25 февраля 1825 г. Другое письмо (см. документ № 8б), написанное С. И. и М. И. Муравьевыми-Апостолами, было послано ими в Бобруйск к М. П. Бестужеву-Рюмину, но не попало по назначению. Оно имеет дату 13 декабря 1825 г. Напомним, что это был тот самый день, когда арестовали П. И. Петеля; это был канун дня восстания декабристов в Петербурге.

Следственное дело В. К. Тизенгаузена во многом соприкасается с делами двух других близких к нему декабристов — И. С. Повало-Швейковского и В. И. Враницкого. На предварительном допросе в Петербурге, который был снят, как можно предполагать, 8 или 9 января генерал-адъютантом Левашовым, В. К. Тизенгаузен не признал себя членом общества. На основании собранного материала были выработаны в Комитете вопросы из 16 отдельных пунктов, предложенные Тизенгаузену 16 января (см. документ № 12). По поводу его ответов в протоколе заседания Комитета 16 января кратко записано: «сознался в принадлежности к злоумышленному обществу»³. После этого В. К. Тизенгаузена долго не допрашивали. Только почти через 2½ месяца, 22 марта, ему были направлены новые вопросы из 8 отдельных пунктов (см. документ № 16). Ответы на них даны Тизенгаузеном в документе № 17.

* * *

Следственное дело В. К. Тизенгаузена хранится в Центральном государственном историческом архиве СССР в Москве в фонде № 48 под № 406. По современной нумерации, сделанной по листам карандашом, в деле насчитывается 86 листов, заполненных текстом, и несколько белых листов. В нумерацию входит и копия части письма С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов к М. П. Бестужеву-Рюмину на французском языке, написанная карандашом и помеченная как лл. 32—33.

Кроме современной нумерации, на большей части листов этого дела мы находим прежнюю, сделанную чернилами военным советником Вахрушевым. Эта нумерация начинается с л. 10 по современной нумерации и кончается на л. 86, который Вахрушевым был помечен как л. 77. Кроме того, Вахрушев перенумеровал белые листы (лл. 73—77) и на обороте последнего занумерованного им листа сделал заверительную надпись: «В сем деле номерованных листов семьдесят семь. Военный советник Вахрушев».

Согласно с этой нумерацией и сделана воспроизведенная в настоящем издании «Опись документов», находящаяся в начале следственного дела и также скрепленная Вахрушевым. По этой описи в деле значится всего 22 документа, фактически же их 25. Нумерации Вахрушева мы не находим в следующих частях дела, поступивших уже после произведенной им разметки: 1) в выписке из показаний декабристов о В. К. Тизенгаузене (см. документ № 24); эта выписка имеет свою особую полистную нумерацию: 1—2; 2) в выписке правителя дел Следственного комитета Боровкова о В. К. Тизенгаузене (см. документ № 25); она также имеет свою самостоятельную полистную нумерацию с 1 по 8; 3) в главных пунктах обвинения В. К. Тизенгаузена (см. документ № 26); на этом документе стоит цифра «1».

¹ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 34—40.

² ЦГИАМ, ф. 48, д. № 26, л. 21об.

³ Там же, л. 77.

* * *

Ниже дан перечень дел Следственного комитета, в которых имеются показания В. К. Тизенгаузена по различным вопросам, не вошедшие в состав публикуемого здесь дела № 406:

1. Дело № 315 «О собрании сведений о положении и домашних обстоятельствах ближайших родных лиц, осужденных за участие в восстании декабристов», лл. 131—131 об. (показания от 5 января 1826 г.).
2. Дело № 407, В. И. Враницкого, л. 13 (показания от 3 февраля 1826 г.).
3. Дело № 94, М. Н. Паскевича, л. 11 (показания от 19 февраля 1826 г.).
4. Дело № 256, Жукова, лл. 11—11 об. (показания от 10 марта 1826 г.).
5. Дело № 130, Поздеева, Криднера, Вильманса, л. 15 (показания от 10 марта 1826 г.).
6. Дело № 130, Вильманса, Криднера, Поздеева, лл. 3—3об. (показания от 17 марта 1826 г.).
7. Дело № 94, М. Н. Паскевича, л. 17 (показания от 17 марта 1826 г.).
8. Дело № 246 «Справки, собранные по отношению главнокомандующего 1-ю армию», л. 45 (показания от 26 марта 1826 г.).
9. Дело № 257, М. А. Габбе, л. 5 (показания от 29 марта 1826 г.).
10. Дело № 407, В. И. Враницкого, лл. 34—34 об. (показания от 3 апреля 1826 г.).
11. Дело № 303 «Об отобранных сведениях от арестованных лиц, не имеет ли из них в судебных местах тяжелых дел», л. 235 (показания между 9 апреля и 11 мая 1826 г.).
12. Дело № 246 «Справки, собранные по отношению главнокомандующего 1-ю армию», л. 79 (показания от 12 апреля 1826 г.).
13. Дело № 395, С. И. Муравьев-Аpostola, лл. 309—309 об. (показания от 23 апреля 1826 г.).
14. Дело № 404, И. С. Повало-Швейковского, лл. 72—72 об. (показания от 24 апреля 1826 г.).
15. Дело № 301 «О частных долгах, имевшихся у арестованных», лл. 30—30 об. (показания без даты).

О СЛЕДСТВЕННОМ ДЕЛЕ В. И. ВРАНИЦКОГО

Первые сведения о принадлежности В. И. Враницкого к Южному обществу Комитет получил 4 января 1826 г.¹ 5 января последовало распоряжение об аресте В. И. Враницкого². Как можно полагать на основании слов В. И. Враницкого, на службе он «находился по 10-е число Генваря сего 1826 г.» (см. документ № 23). Он был арестован 10 января в Житомире, где размещался штаб 3-го корпуса. Первый предварительный допрос был снят с него генерал-адъютантом Левашовым (см. документ № 3).

2 февраля В. И. Враницкий был устно допрошен в Комитете, но, как записано в журнале этого заседания, «во всем отрекся»³. Поэтому в Комитете решили: «испросить высочайшее соизволение на то, чтобы полковник Враницкий был переведен в крепость для содержания под арестом, ибо по всем показаниям главных членов Южного общества он принимал участие во всех их действиях и совещаниях»⁴. Тогда же были даны ему и письменные вопросные пункты (см. документ № 13). 4 февраля последовало распоряжение «Враницкого посадить в крепость»⁵. Письменные ответы В. И. Враницкого были заслушаны в Комитете 8 февраля (см. документ № 14). В них В. И. Враницкий продолжал упорно отрицать свое участие в обществе. Тогда Комитет наметил ход дальнейшего следствия по делу В. И. Враницкого: «полковника Враницкого уличить очными ставками»⁶. Однако практические прибегать к очным ставкам тогда, в феврале, было еще рано из-за отсутствия у Комитета необходимых материалов.

9 марта В. И. Враницкому, как и другим декабристам, упорно отрицающим свою принадлежность к тайному обществу, был предложен Комитетом вопрос: желает ли он «дать ответы по чистой совести и совсю искренностию». Ответ В. И. Враницкого был совершенно не тот, какого ожидал Комитет. Он отрицал и на этот раз свое участие в обществе.

3 апреля В. И. Враницкому были даны очные ставки с лицами, наиболее ему близкими, — с И. С. Повало-Швейковским (см. документ № 17) и В. К. Тизенгаузеном (см. документ № 18). В журнале заседания Комитета при протоколировании первой из этих очных ставок находим дополнительные подробности относительно показаний В. И. Враницкого⁷.

¹ «Восстание» декабристов, т. IV, стр. 81, 435.

² ЦГИАМ, ф. 48, д. № 26, л. 47.

³ Там же, л. 133об.

⁴ Там же, л. 134.

⁵ Там же, л. 141об.

⁶ Там же, лл. 155—155об.

⁷ Там же, л. 336об.